

**Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

XVII

Фонетика

Главный редактор А. М. Молдован

МОСКВА
2018

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 17. Фонетика. —
М., 2018. — 320 с.
ISSN 2311–150X

Издание основано в 2013 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плунгян, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА

О. В. Антонова, канд. филол. наук (Москва, Россия) — отв. редактор
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия) — отв. редактор
Д. М. Савинов, доктор филол. наук, профессор РАН (Москва, Россия) — отв. редактор
Е. С. Скачедубова, канд. филол. наук (Москва, Россия)
А. Е. Сомова, канд. филол. наук (Москва, Россия)

В оформлении обложки использована осциллограмма слова *фонетика*.

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
E-mail: ruslang@ruslang.ru

Издательство зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–57258

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2018
© Авторы, 2018

Оригинал-макет Л.Е. Голод. Дизайн обложки И.А. Тимофеев

Подписано в печать 00.00.2019. Формат 70×100 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 25,8. Заказ № 1574
Тираж 300 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

**Proceedings
of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute**

XVII

Phonetics

Editor-in-Chief Alexander M. Moldovan

MOSCOW

2018

Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute, No. 17. Phonetics. —
M., 2018. — 320 p.
ISSN 2311–150X

The Journal was founded in 2013

EDITORIAL BOARD

Yury D. Apresyan, D.Sc., Professor, Full Member of the RAS (Moscow, Russia);
Václav Čermák, PhD., (Prague, Czech Republic);
Alexey A. Gippius, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS, (Moscow, Russia);
Maria L. Kalenchuk, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Tore Nessel, D.Sc., Professor (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS (Moscow, Russia);
Björn Wiemer, D.Sc., Professor (Mainz, Germany);
Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

Olga V. Antonova, PhD (Moscow, Russia) — Chief Editor
Maria L. Kalenchuk, D.Sc., Professor (Moscow, Russia) — Chief Editor
Dmitry M. Savinov, D.Sc. (Moscow, Russia) — Chief Editor
Ekaterina S. Skachedubova, PhD (Moscow, Russia)
Alexandra E. Somova, PhD (Moscow, Russia)

The oscillogram of the word *phonetics* is used in the design of the cover.

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019

E-mail: ruslang@ruslang.ru

The journal is registered by the The Federal service for supervision
of communications, information technology, and mass-media.

Registration certificate ПИ № ФС 77–57258.

© by Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2018
© by Authors, 2018

И. Фужерон¹, Ж. Фужерон²

(Франция, Париж)

i.fougeron@orange.fr¹, gilles-marc.fougeron@orange.fr²

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЮТ АРХИВЫ (ИЗ ПЕРЕПИСКИ С. И. КАРЦЕВСКОГО)

Карцевский, оказавшись как бы на перекрестке трех течений — женеvской школы, Московского и Пражского лингвистических кружков, — долгое время считался лишь проводником идей этих течений, и в частности идей и учения Фердинанда де Соссюра. Его собственный вклад в лингвистическую науку оставался в тени. Одной из причин слабого распространения работ Карцевского явилось в России — то, что он был эмигрантом, а на Западе — то, что предметом его анализа был почти исключительно русский язык, а способом выражения своих мыслей он выбрал французский язык, язык Пражского кружка. Однако нельзя забывать, что русский язык является для Карцевского лишь первичной опорой, основой для развития и разработки проблем общего языкознания. Его труды, естественно вписываясь в лингвистические дебаты того времени, касаются таких фундаментальных вопросов, как понятие *системы*, минимальных единиц языка, как природа слова и его отношение к *фразе* и ее отличие от *предложения*.

В журнале «Русский язык в научном освещении» №1 за 2001 г. была опубликована наша статья «От библиотечной карточки к архиву Карцевского». В этой статье рассказывалось об архиве Карцевского, хранящемся в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН (ф. 16). Знакомство с архивом и работа над ним, а также собиpание однажды изданных и не переиздаваемых статей Карцевского позволили издать четыре сборника трудов ученого [Карцевский 2000; 2004; Karcevski 2000; 2004].

Все материалы фонда 16 в Институте русского языка написаны по-французски и можно предположить, что они представляют собой большую часть «Структурной грамматики русского языка» (для французов), над которой долгие годы работал Карцевский. Однако в том же фонде была обнаружена одна рукопись — статья «О залогах в русском языке», написанная по-русски. Наличие этой рукописи, первая страница рукописи «Среди вогул», присланная Игорем Сергеевичем Карцевским, сыном ученого, в период работы над первым томом «Из лингвистического наследия»¹,

---

¹ См. [Карцевский 2000: 342].

а также отсутствие прочих материалов на русском языке склоняли к мысли, что где-то должны быть и другие материалы, другие работы, возможно, хранящиеся у И. С. Карцевского.

В конце 2012 г. мы узнали о смерти И. С. Карцевского. К сожалению, вопрос о судьбе архива остался без ответа.

Мысль о возможности найти архив Карцевского не давала покоя. Зная, что с 1928 г. (после защиты докторской диссертации) Карцевский жил в Женеве, мы обратились с вопросом об архиве в Женевскую библиотеку. Архива Карцевского в библиотеке не было, но нам сообщили, что в фонде Ms. fr. 5002 архива профессора университета Шарля Балли имеется несколько писем Карцевского к Балли. Мы смогли ознакомиться с ними.

Первое письмо этой серии (f. 407) датировано 27/IV-1916. Это год выхода «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра.

Вот это письмо:

Женева, 27/V-1916

7, ул. Джон Грассэ

Милостивый Государь,

Имея намерение перевести на русский язык книгу Ф. де Соссюра «Курс лингвистики», я прошу вас сообщить мне, при каких условиях я могу получить разрешение на перевод. Что касается редактирования моего перевода, я рассчитываю на сотрудничество г-на Ш. Балли и г-на Поржезинского, профессора по лингвистике Московского университета.

Примите, Милостивый Государь, заверения в моем уважении.

Сергей Карцевский

Лицензиат гуманитарных наук

В левом углу этого письма красным карандашом вкось неизвестной рукой сделана помета «De Serge Karcevski à Ch. Bally» (От Сергея Карцевского к Ш. Балли). Учитывая, что в письме о Шарле Балли говорится в третьем лице, письмо не могло быть адресовано непосредственно ему. Скорее всего, оно было адресовано издателю (Payot), выпустившему книгу Ф. де Соссюра, а копию письма Карцевский послал Балли.

Приведенное письмо на сегодняшний день является единственным и неоспоримым доказательством того, что всего через неделю после выхода «Курса общей лингвистики» в свет² Карцевский выражает намерение сделать перевод книги на русский язык³.

Кроме этого есть еще девять писем, написанных по-французски от руки, в основном пражского периода жизни Карцевского 1921–1926 гг. Даты писем и пометы

² Точная дата выхода в свет «Курса общей лингвистики» — 19 мая 1916 г., была установлена Е. София, см. *Cahiers Ferdinand de Saussure* (далее CFS). 2016. No. 69. P. 9–16.

³ См. *D'Ottavi G., Fougeron I. Une lettre de Serge Karcevski de 1916* [Одно письмо Сергея Карцевского 1916 г.] // CFS. 2016. No. 69. P. 17–27.

Балли об ответах свидетельствуют о том, что между Карцевским и его учителем установились очень тесные контакты. В эти годы Карцевский находится в весьма тяжелом материальном положении, для улучшения его, как он пишет Балли (письмо от 7/VIII-1924), «ему необходимо получить диплом» — защитить диссертацию, но преподавание и работа над изданием и редактированием созданного им журнала «Русская школа за рубежом» оставляли мало времени на диссертацию⁴. Считая, что тема о системе глагола слишком объемная, он просит Балли помочь ему найти другую тему для диссертации в области современного русского языка⁵.

Карцевский делится с Балли своими мыслями по поводу положения преподавания языка в школе и, в частности, родного языка. Эти проблемы беспокоят и Балли. По словам Карцевского, о них немало говорят как в российских педагогических кругах, так и в эмигрантской среде. И там, и там идеи Ф. де Соссюра и Балли постепенно прокладывают себе дорогу. Карцевский приглашает Балли приехать в Прагу, чтобы помочь «в деле изгнания схоластики из преподавания языков».

В этом же письме Карцевский сообщает, что только что закончил и сдал издателю «Граматику для старших классов русского лицея». Он пишет, что «это не грамматика в традиционном смысле слова, а скорее маленькое введение в изучение языка». Обещает послать Балли экземпляр, как только книга выйдет⁶.

Из письма от 19/XI-1924 узнаём, что он работает над диссертацией, когда находит свободное время (слово «свободное» написано рядом с зачеркнутым «необходимое»). В этом же письме он говорит, что в сентябре принимал участие в съезде славистов с докладом о кризисе школы Фортунатова и о посмертных работах Шахматова в области синтаксиса. Он сообщает Балли, что А. Мейе одобряет его работу, что в различных лингвистических журналах опубликованы положительные

⁴ Карцевский начал работать над системой русского глагола, что позднее стало темой его диссертации, задолго до переезда в Прагу. Уже в феврале 1918 г., вернувшись после первой эмиграции из Женевы в Москву, Карцевский делает доклад на заседании Московского лингвистического кружка. В протоколе заседания записано, что доклад представляет собой резюме некоторых глав работы докладчика, написанных по-французски и озаглавленных «Система русского глагола». Д. Н. Ушаков, присутствовавший на заседаниях, охарактеризовал работу Карцевского как «опыт истинно лингвистического изучения морфологии русского языка», и добавил, что в статическом изучении «в области морфологии опыт Карцевского если не безусловно первый, то один из первых». (ИРЯ РАН. Ф. 20. Папка 2. Л. 10–11; ИЛН. С. 331).

⁵ Как известно, тема диссертации не изменилась, но Карцевский значительно сократил размеры своего исследования (с 450 до 167 страниц).

⁶ Речь идет о книге «Русский язык. Ч. I. Грамматика» (Prague, 1925. 125 с.). В архиве MIT MC0072 box 123 Folder 66 сохранилась копия письма от 14/I-1926, написанного рукой Карцевского и адресованного Балли. Карцевский пишет, что получил лестные отзывы на свою книгу из Москвы от Дурново, от Бернекера, но что только Балли заметил и оценил сжатость и краткость формулировок. В 1926 г. в BSL опубликован отзыв А. Мейе о книге, где он также отмечает эту особенность стиля Карцевского: «Интересно, как известный представитель школы [де Соссюра] видит изложение краткое, но нацеленное на показ главного. <...> План оригинален <...>. Наблюдения изложены в сжатой форме, свойственной исключительно автору» (BSL 1926. V 26. P. 203).

отзывы славистов и русистов о его работах (Бернекер, Поливка, Якобсон, Мазон, Дурново, Сидоров и др.).

В письме от 17/IX-1925 Карцевский пишет, что «жизнь в эмиграции очень трудна», и что он хотел бы найти постоянное место преподавателя. Он спрашивает (Балли), нельзя ли создать в Женевском университете место лектора, которое он готов занять, если пока невозможно создать отдельную кафедру русского языка. Создание лектората позволило бы увидеть, в какой мере целесообразно открывать в Женеве кафедру.

Из письма от 20/X-1925 узнаём о переписке Карцевского с Пешковским⁷, которому он посылает статью Балли «Грамматика и экспрессивность», в ответ на что Пешковский присылает свою статью «Объективная и нормативная точка зрения». И Карцевский находит определенную общность идей у обоих авторов. Сам он работает над статьей о структуре речи, в которой хочет определить отношения, существующие между различными лингвистическими дисциплинами.

Большой интерес представляет собой последнее в этой серии письмо, датированное 15/IV-1926; Карцевский, собираясь послать в московский журнал «Родной язык в школе» отзыв на недавно вышедшую книгу Балли «Механизм экспрессивности», пишет: «Ваше имя известно и пользуется большим уважением у русских филологов, и среди молодых много говорят о Ваших идеях. Что до старых лингвистов и филологов, они как везде». И как бы в доказательство Карцевский рассказывает, что в 1916 г., как только вышел «Курс» Ф. де Соссюра, он послал один экземпляр в Москву проф. В. К. Поржезинскому⁸. Приехав в 1918 г. в Москву, он увидел, что книга спокойно лежала у Поржезинского на книжной полке, и никто из его соотечественников не знал не только, что в Москве есть экземпляр книги, но даже то, что она вышла в свет.

В этом же письме Карцевский сообщает Балли, что он закончил вступительную главу своей диссертации, и что остальная рукопись почти полностью отредактирована. Прежде чем послать работу в университет в комиссию с просьбой принять к защите, Карцевский просит Балли прочитать вступление и определяет значение этого текста: «...необходимость уточнить мою точку зрения, а также методологию, которой я следую в своей книге, не могла не привести меня к формулировке некоторых принципов общего языкознания. Таким образом, вступительная глава стала чем-то вроде трактата по общему языкознанию. И я понимаю, что иначе и не могло быть. Мне кажется, что мне удалось сформулировать вещи по-новому, я также думаю, что я нашел метод надежный и правильный. Не скрою, что это не что иное, как развитие принципов синтагматики, которые я почерпнул из Ваших лекций⁹».

⁷ Карцевский постоянно старался поддерживать связь с российскими лингвистами. Еще в 1911 г. он пишет Д. Н. Овсянко-Куликовскому, предлагая для публикации в России свои переводы произведений Ромена Роллана. А в 1913 г., стараясь пропагандировать идеи своего учителя, он посылает Овсянко-Куликовскому только что вышедшую книгу Балли «Язык и жизнь».

⁸ См. выше, письмо к Ш. Балли.

⁹ По выходе в 1927 г. книги С. Карцевского «Система русского глагола», в *Bulletin de la société de linguistique de Paris (BSL)* была напечатана рецензия А. Мейе: «Введение, с. 13–42,

Как правило, корреспонденция, находящаяся в каком-либо архиве, содержит письма, отправленные «в одну сторону». Редко случается, что тут же находятся и ответы. Письма, о которых шла речь, происходят из архива Шарля Балли, и там сохранился ответ Балли от 20/IV-1926 на письмо Карцевского от 15/IV-1926 (вероятно, копия, напечатанная на машинке).

Уже обращение «*Cher Monsieur et ami*» говорит о добром отношении учителя к студенту. Балли пишет, что с нетерпением ждет вступительную главу, советует отправить диссертацию в Женеву заблаговременно, чтобы у членов комиссии было время спокойно ее прочитать. В заключение шлет «искренние пожелания успехов».

Письма, о которых мы рассказали, проливают в какой-то мере свет на жизнь и работу ученого во время пребывания в Праге, в период написания его диссертации. В 1927 г. он защищает при Женевском университете диссертацию, получает место приват-доцента и обосновывается в Женеве.

Среди некоторых лингвистов на Западе бытовало предположение, что существует сделанный Карцевским, но не изданный перевод «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра. В поисках его мы обратились в рукописный отдел РГБ. Перевода там не оказалось, но в фонде Рубакина было обнаружено четыре папки с письмами — переписка Карцевского с Рубакиным¹⁰.

Две папки содержат письма Карцевского Рубакину: одна (фонд Р6/358-238/27) письма 1934–1940 гг., другая (фонд Р6/358-238/28) письма периода 1941–1946 гг.; третья папка — письма Рубакина Карцевскому (фонд Р6/358-175/14) периода 1924–1946 гг. и четвертая папка — письма Карцевского Марии Артуровне Бетман, секретарю Рубакина (фонд Р6/358-238/29) 1927–1946 гг.¹¹

Этот фонд интересен и ценен тем, что наличие писем и Карцевского, и Рубакина позволяет в некоторых местах почти восстановить эпистолярный «диалог» (Р → К 14/V-36, К → Р 15/V-36; Р → К 5/I-37, К → Р 6/I-37 и др.).

Н. А. Рубакин (1862–1946) — писатель, просветитель, известный библиограф, автор работ по библиопсихологии, науке об отношениях знатока книг с читающей публикой, о социальном и психологическом воздействии книги. Он родился в окрестностях Ораниенбаума. В 1875 г. его мать покупает на 200 руб. 600 книг и открывает библиотеку в Петербурге. Рубакин расширяет эту библиотеку, пишет работу «Среди книг», а в 1895 г. публикует «Этюды о русской читающей публике».

В 1907 г. Рубакин, член партии эсеров, чтобы избежать ареста, покидает Россию как политический эмигрант. Перед отъездом передает свою библиотеку (30 тыс. томов) Петербургской лиге образования. С 1922 г. он живет в Лозанне. Здесь он

в действительности является изложением принципов общей лингвистики, которых придерживается г. Карцевский. Это изложение наиболее систематичное, наиболее глубокое из всех существующих. Введение основывается на учении Ф. де Соссюра, продолженном г. Балли, но оно переосмыслено автором» (BSL. 1928. Vol. XXVIII. P. 42–44).

¹⁰ Пользуемся случаем выразить глубокую благодарность Е. В. Исаевой за помощь в наших поисках.

¹¹ Все письма Карцевского написаны от руки, письма Рубакина напечатаны на машинке.

Участники Международной
фонологической конференции
(Прага, 18–21/XII-1930 г.)

На заднем плане слева
направо стоят: Р. О. Якобсон,
Н. С. Трубецкой, Д. И. Чижевский,
С. И. Карцевский (MIT MC0072
Box 139)

С. И. Карцевский
и (спиной) Р. О. Якобсон
(MIT MC0072 Box 139)

С. И. Карцевский в Женеве
в 30-х гг. XX в. (частное собрание)

С. И. Карцевский с Е. Е. Карцевской
и детьми Светланой и Игорем
в Праге в конце 20-х гг. XX в.
(частное собрание)

основывает Международный институт библиопсихологии, открывает библиотеку, и ведет активную деятельность по покупке, обмену, высылке книг во временное пользование. Благодаря этой деятельности у Рубакина возникают прочные связи со странами Европы, с Америкой и с Советским Союзом. Свою вторую библиотеку (100 тыс. томов) и архив Рубакин завещал Государственной библиотеке им. Ленина (где теперь существует богатый Рубакинский фонд).

Карцевский широко использует в своей преподавательской и научной работе возможность получать книги из библиотеки Рубакина. На этой почве между Карцевским и Рубакиным устанавливаются тесные, дружеские отношения, о чем свидетельствует их переписка.

Карцевский посылает Рубакину оттиски своих статей: «О междометиях», «Фраза и предложение» и др., дорожит его отзывом о «Грамматике» 1925 г.¹² Должность приват-доцента не дает постоянного и достаточного заработка, и именно Рубакин помогает устраивать для Карцевского в Лозанне платные лекции по русской литературе о Толстом, Достоевском, Гоголе.

Карцевский болезненно переживает судьбу своего «Повторительного курса русского языка», издание которого в Москве в 1928 г. было приостановлено после выхода 4 тыс. экземпляров (вместо 20 тыс. по договору). В письмах Рубакину он пишет, что выход книги важен для него особенно «по двум причинам: во-первых, она позволила бы в краткой форме изложить некоторые из его идей и пустить их в ход в России, а во-вторых, это был бы постоянный небольшой доход». Карцевский недоумевает, что при наличии таких положительных отзывов, как отзыв Мейе («образец того, что должно было бы быть сделано для каждого языка»)¹³, Поливанова («это лучшее, что выходило по этому вопросу») «пресса советская замолчала мою книжку». Карцевский обращался и к Пешковскому с просьбой помочь продолжить издание. В ответ (см. П1, П4) Пешковский приводит ряд аргументов, объясняющих невозможность возобновления издания. Но аргументы Пешковского явно не убеждают Карцевского, он упорно не понимает обстановки в России и искренне думает, что вмешательство «авторитетного» лица (Горького, Рубакина) может помочь делу. С другой стороны, он не хотел бы издавать «Повторительный курс» в прежнем виде. По его мнению, теперь надо бы переработать «Курс». В письме от 20/II-1936 г. он сообщает Рубакину, как именно он думает это делать.

Что касается «Грамматики» Карцевского, последний абзац письма от 21 июня 1936 г. вызывает некоторые вопросы. Карцевский снова просит Рубакина поговорить в Москве о «Курсе», но «предварительно просмотреть [его] “Грамматику»,

¹² В женевском архиве Карцевского (см. ниже) хранится его договор 1923 г. с издательством «Пламя» о выпуске книги «Русский язык». Книга вышла в 1925 г. В августе 1927 г. издательство сообщает, что согласно переиздать переработанную книгу под общим заглавием «Повторительный курс *родного* языка». Но в сентябре того же года Пешковский, находясь в отпуске в Хосте, уже читает гранки «Повторительного курса *русского* языка» (см. П1), который выйдет в Москве в 1928 г. Это, вероятно, повлияло на решение Карцевского не переиздавать «Грамматику».

¹³ BSL. 1928–1929. Vol. XXIX. P. 217. См. также K1.

советское издание”, так как между двумя редакциями [?] большая разница. <...> Если поднимать в Москве вопрос, то без новой редакции невозможно». Какие две редакции? Какая «новая»? Идет ли речь о сравнении пражского издания «Грамматики» 1925 г. и «Повторительного курса» (М., 1928), который в 1936 г. Карцевский называет «новой» редакцией? Или Карцевский уже переработал «Курс», что и стало «новой редакцией»? Тогда у Рубакина уже есть новый вариант? В каком виде? Сколько было экземпляров этой редакции?

До сих пор ни в одном из архивов, с которыми мы смогли ознакомиться, кроме «Грамматики» 1925 г. и «Повторительного курса русского языка» (М., 1928) не было найдено никаких следов другой грамматики на русском языке. Но в Женевском архиве (см. ниже) находится новый полностью переработанный вариант вступительной статьи к «Курсу» — «От автора», ориентированный в значительной мере на вопросы педагогики и организации преподавания, а также 15 страниц черновика I и II глав «Курса», не совпадающих с напечатанным текстом.

В среде российских лингвистов и преподавателей русского языка «Повторительный курс» имел большой успех, хотя некоторые считали (см. письма Пешковского, Боташева), что, учитывая состояние преподавания языка в школе, эта *слишком новаторская* книга трудна не только для учеников, но и для учителей.

В письме от 5/I-1937 Рубакин советует Карцевскому обратиться за помощью к французским славистам. В ответном письме от 6 января 1937 г. Карцевский наотрез отказывается, говоря, что Мазон и Буайе давно ведут войну против Пражского лингвистического кружка, замалчивая работы его членов или недобросовестно расценивая их в рецензиях. Об очень недружелюбном отношении французских лингвистов говорил и Трубецкой в письме Карцевскому о его статье «О реформе орфографии»: «<...> в *Revue des études slaves*, по-моему, принципиально ничего печатать нельзя. Мазон не только с Вами в свое время нахамил, он и продолжает хамить со всеми нами (особенно с Якобсоном). A Vaillant и Unbegaun от него не отстают. Так что, если по-французски, то только в *Bulletin de la Société Linguistique*».

В декабре 2015 г. стало известно, что весь архив Карцевского, хранившийся у его сына, после смерти последнего был передан семьей в Административный и персональный архив Женевского университета (ААР). С момента передачи архива в университет до февраля 2016 г. г-жа Энрикета Каллдремксиу-Барбэ провела колоссальную работу по его инвентаризации. В феврале 2016 г. мы смогли ознакомиться с этим архивом¹⁴.

Если архив ИРЯ представляет нам Карцевского как ученого-лингвиста, то переписка с Рубакиным приоткрывает завесу над личной жизнью Карцевского, над волновавшими его вопросами. После знакомства с Женевским архивом перед нами предстает многогранный образ человека с широким кругом интересов и способностей. Архив (шифр: 2012/16) — 4,1 линейных метров, 36 коробок, из которых 15 содержат семейную переписку.

¹⁴ См. также: Chidichimo A. Le fonds Karcevski à Genève // Acta structuralica. 2016. Vol. 1. P. 27–62.

В архиве немало административных документов, в частности о записи Карцевского в Женевский университет. Из архивных материалов видно, что Карцевский посещал лекции Ф. де Соссюра по санскриту. Тут же документ от 11/VI-1946 о назначении Карцевского на место экстраординарного профессора.

В архиве сохранились первые литературные опыты Карцевского. Это и рукопись этнографического анализа «Среди вогул», написанная в период его работы учителем в селе Нахрачи, рассказ о первых днях пребывания в этом селе и др. Читая эти рассказы, вспоминаешь, что Горький положительно оценил его рассказ «Ямкарку» и в 1910 г. опубликовал его в своем сборнике «Знание»¹⁵. Рукопись значительной части этого рассказа вместе с другими рассказами хранится в архиве. Они написаны по-русски.

Большое место занимают работы, связанные с лекциями Карцевского по русской литературе, они написаны как по-русски, так и по-французски: анализ мировоззрения Толстого, «Крейцера соната», варианты статьи «О криминальной литературе». Немало страниц посвящено Достоевскому. Рукопись статьи «О природе искусства», «Принципы лингвистической и психологической теории искусства» (по-французски).

В архиве хранятся материалы о рождении Женевского лингвистического общества, создателем и вице-председателем которого был Карцевский.

Безусловный интерес представляют рукописи по разным лингвистическим вопросам. Их можно разделить на две группы: первую составляют работы 1913–1914 гг., когда Карцевский посещал лекции Балли, которому он посылал свои работы. На некоторых из них, на полях — заметки Балли. В ответ на другие Балли писал отдельные письма, хранящиеся в архиве. Вторую группу составляют более поздние работы, в большинстве написанные по-французски. К ним относятся статьи «О синонимии и омонимии», «О различительном характере лингвистического знака», «По поводу фундаментальных проблем синхронии», «О падежах», «Фраза, синтагма, предложение» (последняя по-русски) и др.

В архиве хранится довольно большое количество писем. Это и письма А. М. Пешковского Карцевскому, письмо Н. Н. Дурново о смерти Пешковского. Среди прочих писем ученых-лингвистов наше внимание привлекли письма двух ученых, с которыми Карцевский был связан с момента своей жизни в Праге, с которыми он участвовал в создании Пражского лингвистического кружка. Речь идет о Р. О. Якобсоне и Н. С. Трубецком.

В архиве имеется двадцать писем Якобсона Карцевскому периода 1930–1938 гг. Больше половины из них приходится на 1930–1932 гг. Это годы, когда Якобсон работает в Праге в *Slavische Rundschau* (Славянском журнале) все письма напечатаны на машинке, по-русски, на бланках *Slavische Rundschau* и подписаны автором от руки. Письма 1933–1938 гг. из Брно написаны от руки. Информация, которая содержится в письмах, очень емкая. В нескольких письмах Якобсон сообщает, что

¹⁵ Сборник товарищества «Знание». 1910. Т. xxxi. С. 1–61; рассказ переиздан Н. И. Богдановой: *Карцевский С. Ямкарка*. Конда, 2010. 68 с.

он добивается от чешского министерства перевода Карцевскому причитающихся ему денег¹⁶, понимая важность этого, так как «сам находился в остром финансовом кризисе» (Я2). В январе 1931 г. Якобсон пишет также о том, что, судя по полученному им письму от Н. Н. Дурново, невозможно издавать в России «Учебник» Карцевского. Перечисленные им причины полностью совпадают с тем, что писал Пешковский еще в сентябре 1927 г. (см. П2).

Большое место в письмах занимает вопрос о создании коллективной работы: «Фонологическое описание русского языка». В 1929 г. на Конгрессе славистов в Праге был создан международный комитет по изучению фонологии славянских языков. Якобсону, Трубецкому и Карцевскому было поручено исследование фонологии русского языка. Они распределили работу: Якобсон должен был писать фонологию слова, Трубецкой — морфонологическую систему русского языка, Карцевский — фонологию синтаксиса. Эту коллективную работу Якобсон называет в своих письмах «Триптих». Работу предполагалось напечатать в *TCLP V*.

Если просмотреть публикации Карцевского до 1931 г., то очевидно, что вопросы фонологии не были в центре его внимания. Тем удивительнее звучит заглавие «*Sur la phonologie de la phrase*». Зарождение идеи «Триптиха» полностью объясняет появление этой статьи¹⁷.

По письмам чувствуется, что отсутствие вестей от Карцевского хотя бы с его размышлениями, если не с результатами работы, беспокоит Якобсона. Можно думать, что Карцевский по ряду причин не хочет ни ехать на конференцию в Прагу, ни выступать там с докладом, так как Якобсон уговаривает, стимулирует его в своих письмах, заверяя, что кружок оплатит дорогу, что пребывание в Праге ему ничего не будет стоить (в это время у них всех остро стоит денежный вопрос). Неоднократно Якобсон подчеркивает, что никто лучше Карцевского не сможет написать синтаксическую фонологию русского языка, что только Карцевский может создать «четкое принципиальное построение» (Я1). Он старается преодолеть сомнения Карцевского в отношении «оппонентов», говоря, что эти сомнения «смешны, что [Карцевский] не один, что [их] трое, подписавших гаагское предложение», и надеется, что их блок нерасторжим (Я4).

Карцевский в Прагу поехал и выступил с докладом. Это рождение его работы «*Sur la phonologie de la phrase*».

Якобсон высоко оценил работу Карцевского: «Твоя работа чрезвычайно интересна. Кажется, тебе удалось осветить целую новую дисциплину» (Я8). В следующем письме читаем просто восторженный отзыв: «Твою фонологию фразы прочел. Она произвела на меня очень сильное впечатление. И не только ценностью мыслей, но и большой художественностью. Читаешь специальную статью, а испытываешь при этом подлинное волнение. <...> Местами, без преувеличений — гениально»

¹⁶ Деньги, которые Чешский МИД должен Карцевскому за купленные 350 экземпляров «Системы русского глагола».

¹⁷ *D'Ottavi G., Fougeron I. Sur la phonologie de la phrase de Serge Karcevski. Essai de relecture* [«О фонологии фразы» Сергея Карцевского. Опыт прочтения.] // *CMLF*. 2016. P. 10–14. URL: WWW.confernces.org/10.1051/SHSconf/2016_27_05001.

(Я9, Я11). Якобсон старается подтолкнуть Карцевского к дальнейшей работе над фонологией русского синтаксиса, уверяя, что на первых порах нужно всего лишь «сжатое описание с примерами» (Я6). «Главное дать четкую схему» (Я10). Однако Якобсон не может получить желаемого.

Стараясь добиться, чтобы Карцевский представил хотя бы элементы описания синтаксической фонологии, Якобсон попутно делится с ним своими мыслями о понимании фонологии синтаксиса. Для него синтаксическая фонология это прежде всего фонология синтагмы, которую Якобсон принимает в *бодуэновском* смысле слова — как наименьшую дробь синтаксического целого; ударение является, с одной стороны, элементом фонологии слова (отличает одно слово от другого: *вѣна* — *винá*) с другой — это элемент фонологии синтагмы — позволяет выделить слово в словосочетании (*винá преступника* — «два ударения — две синтагмы»).

Во-вторых, синтаксическая фонология — это «выделение звуковых средств дифференцирующих значения словосочетаний в целом», например противопоставление вопросительной и утвердительной интонаций, или разные типы иерархии ударений» (Я2). Сюда входят интонации, паузы, «фразное» ударение. Якобсон несколько раз в своих письмах упоминает о паузе, считая ее одним из важных фонологических средств.

Может быть, за различием терминологии (Карцевский никогда не оперирует термином *словосочетание* в смысле *предложение*, и он признаёт синтагму только в сосюровском понимании) стояли и принципиальные различия. Не исключено, что это и было причиной нерешительности Карцевского, медлившего заняться описанием фонологии синтаксиса русского языка; может, было и что-то другое, но так или иначе, в письме Я12 от 6/IV-1932 г. Якобсон пишет: «Страшно жалею, что ты отказался участвовать в нашей работе по фонологии русского языка». Но вероятно, вопрос еще не решен окончательно, так как в следующем письме (от 22/IV-1932) Якобсон пишет: «<...> значительная часть моего задания сделана <...>! Напиши мне, можешь ли ты выполнить свою часть? Ты писал уклончиво, а между тем от этого многое зависит».

Колебания Карцевского могут объясняться тем, что он концентрирует свое внимание на вопросах интонации и ее роли в оформлении фразы, тогда как Якобсон в этот период расширяет поле фонологического анализа. Так, в письме Я12 Якобсон пишет, что он «набросал *фонологию* (курсив наш. — И. Ф., Ж. Ф.) русского стиха». И из этого же письма узнаём, что Карцевский до этого прислал ему письмо об *интонации* былинного стиха¹⁸.

По письмам этих лет можно судить о том, каково социально-экономическое положение в Европе и в России. Уже Пешковский в конце 1920-х гг. пишет о том, что в Москве теперь для ученых получить книги бесплатно невозможно, «жмутся страшно». Печатать что-либо становится всё труднее. Положение ученых-эмигрантов

¹⁸ Речь идет о письме Карцевского Якобсону от 27/XII-1931 (MIT MC0072. Box 123. Folder 66). Мы выражаем глубокую благодарность г. Giuseppe D'Ottavi за помощь в получении материалов из архива MIT.

крайне неустойчивое. Об этом писал Карцевский еще в сентябре 1925 г. В 1930 г. Якобсон объясняет свое молчание тем, что находился в «остром финансовом кризисе, из которого едва начинает выбираться». В 1931 г. снова пишет, что сидит без денег. Он неоднократно пишет, что в Праге «последовательно свертываются» научные издательства, что «вокруг грустно, безнадежно ухудшается положение, картина медленного вялого развала». У Лингвистического кружка «одни долги, книги печатают в долг». Положение в Вене, у Трубецкого, кажется, не лучше: он на съезд приедет — на это денег дадут, но просит найти ему комнату подешевле, добавляя, что денег на длительную поездку у него нет. Обострение экономических трудностей вызывает осложнение человеческих отношений: Трубецкой «всё время под угрозой новых ограничений для иностранцев». Назначение Якобсона на место профессора в Брно не состоялось. Он считает, что это «происки врагов, использовавших кризис». И он весьма нелестно отзывался о научных работниках: «Встречаю всё меньше ученых, способных работать, нежели таких, которые способны без усталости интриговать и гадить» (Я9). В письме 1937 г. Якобсон сообщает о том, что Дурново в ссылке, Поливанов тоже, что «переписка с тамошними учеными в настоящих условиях почти невозможна», а в июле 1938 г. (Я20, последнее) он пишет, что «российские лингвисты за китайской стеной, ни слуху, ни духу».

Якобсон тяжело переживает смерть Трубецкого (Я20).

Письма Якобсона и их частотность позволяют думать, что Карцевского и Якобсона связывали теплые, дружеские отношения, не только личные, но и семейные.

Писем Трубецкого Карцевскому в архиве сохранилось гораздо меньше — всего шесть. Все они написаны от руки, пять на простой бумаге, а одно на почтовой открытке.

Письма Трубецкого очень отличаются по своей тональности: как правило, они носят чисто деловой характер (без лирических отступлений). Каждое из них является непосредственным ответом на вопросы, поставленные Карцевским в его письме (остается только пожалеть, что в архиве нет копий писем). Ответы очень подробные, пространные. Иногда они превращаются в какое-то подобие лекции или статьи. Трубецкой и сам это замечает, говоря, что раньше умел писать коротко, а теперь разучился, объясняя это отсутствием разговоров на научные темы: «...здесь не принято».

Ответы Трубецкого по вопросам фонологии представляют особый интерес, если учесть, что эти письма относятся к началу 1930-х гг., времени становления учения о фонологии. В это время Трубецкой работает над морфонологией русского языка, второй частью «Триптиха», развивает теорию о законах морфологического применения фонологических различий (Т1, Т5). По его мнению, различие в фонетических реализациях некоторых фонем может служить для обозначения границ словесной единицы (Т2). Это единственная часть «Триптиха», которая в 1934 г. увидит свет.

Трубецкой весьма критично относится к работам Карцевского. Тем ценнее и интереснее моменты, где их точки зрения совпадают, например, в вопросе о корреляции «редукция — отсутствие редукции» (см. Я3). При подготовке лекций о глаголе

Трубецкой перечитывает книгу Карцевского и, критикуя некоторые положения, считает, что книга «замечательная и ее нельзя не знать».

В письме 1933 г. (ТЗ), Трубецкой, как и Якобсон, отмечает, что экономическое положение таково, что «трудно ручаться за будущее».

В 1937 г. больной Трубецкой тяжело переживает «агонию Вены». Эти трагические события ускорили его конец. Он умер 25/VI-1938 г.

Проявляя живой интерес к научной жизни в России, Карцевский надеялся вернуться на родину. По его инициативе и под его председательством в Женеве создается «Объединение лиц родом из СССР».

Его стремление издать «Учебник» в Москве, несмотря на аргументы, приводимые в письмах его коллегами и друзьями, на опалу Пешковского и Дурново, о которой он пишет сам, свидетельствует о том, что он решительно не может или не хочет понять истинное положение вещей в СССР. В архиве Женевского университета 2012/16/26/1 сохранилось письмо в Президиум Академии наук, написанное в сентябре 1946 г. Письмо осталось без ответа. Под тем же шифром в архиве хранится письмо от 16/II-1947, написанное рукой Карцевского на обыкновенной бумаге с исправлениями. В начале обращение «Многоуважаемый коллега». Судя по тому, что Карцевский поздравляет адресата с недавним избранием в члены АН СССР, перед нами черновик письма В. В. Виноградову, который был избран в члены АН 30/IX-1946. Это еще одна попытка связаться с ученым миром России. И это письмо, как и письмо И. И. Мещанинову¹⁹ от 6/VII-1947, осталось без ответа. В 1947 г. Карцевский подает прошение о визе для въезда в Россию и лишь случайное стечение обстоятельств, а потом смерть помешали этому.

Поиски архива С. И. Карцевского привели нас к трем различным архивам, что позволило познакомиться с документами различных периодов деятельности самого Карцевского и его окружения.

Женевский архив хранит немало интереснейших материалов, свидетельствующих о разносторонности интересов ученого. Они ждут своего изучения.

***

Настоящая публикация писем базируется на материале трех архивов: Административный и персональный архив Женевского университета (Université de Genève, Archives Administratives et Personnelles — ААР), Отдел рукописей РГБ (Рубакинский фонд) и Нью-Йоркский МИТ. Мы постарались расположить письма по хронологическим периодам, учитывая по мере возможности тематическую общность.

Наиболее ранними (1927–1929 гг.) являются письма А. М. Пешковского С. И. Карцевскому. Сюда же включено письмо К. А. Боташева, совпадающее по дате (1928 г.) и по теме. Здесь же публикуется письмо Н. Н. Дурново о смерти А. М. Пешковского.

---

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. № 383. См. [Vlassov 2017].

Единственным материалом, предшествующим этим письмам, являются письма С. И. Карцевскому от издательства «Пламя». Они касаются издания и возможного переиздания «Грамматики» Карцевского. Вопрос об этой «Грамматике» неоднократно встречается в письмах, и эти документы предшествуют всем прочим письмам.

За письмами А. М. Пешковского следуют письма Р. О. Якобсона периода 1930–1938 гг.

В письме от 6 апреля 1932 г. Якобсон пишет, что получил от Карцевского «интересное письмо». В Нью-Йоркском архиве МІТ это письмо от 27/ХІІ-31 сохранилось, и мы публикуем его в хронологической цепи.

Затем следуют письма Н. С. Трубецкого Карцевскому, периода 1931–1937 гг.

Из весьма обширного Рубакинского фонда мы отобрали письма, наиболее связанные с вопросами языка, датированные 1936–1937 гг.

В заключение мы публикуем письма С. И. Карцевского в Президиум АН СССР и В. В. Виноградову.

В приложении помещено переработанное Карцевским предисловие к «Повторительному курсу русского языка»: «От автора».

Знаком * вводятся примечания авторов писем.

Арабскими цифрами отмечены наши комментарии.

Письма С. И. Карцевскому и от него²⁰

От издательства «Пламя»

Источник: ААР/2012/16/9/5

[И1]

[На бланке издательства «ПЛАМЯ»]

14 июля 1923 года.

Многоуважаемый Сергей Иосифович,

Настоящим предлагаем Вам издать Вашу книгу «Русский язык» — справочная книга по грамматике для учащихся.

- I. Вы уступаете издательству «ПЛАМЯ» авторское право на Вашу книгу. Право перевода книги на иностранные языки принадлежит издательству «ПЛАМЯ».
- II. Издательство «ПЛАМЯ» обязуется уплатить Вам за книгу «Русский язык» гонорар в размере пятисот ч. к. (500 ч. к.) с листа (сорок тысяч типографических знаков) и 3 % с *gross price* каждого проданного экземпляра.

---

²⁰ В подавляющем большинстве случаев в текстах писем авторская орфография и пунктуация сохранены.

III. Издательство «ПЛАМЯ» имеет право напечатать двести неоплаченных экземпляров, из коих 20 поступают в распоряжение автора, а 180 в распоряжение Издательства для рекламы и редакционных нужд.

IV. Продажная цена книги устанавливается Издательством.

V. Гонорар уплачивается в следующие сроки: две тысячи (2000 кр) крон чешских авансом при подписании настоящего условия, половина полистной платы при предоставлении всей рукописи в окончательном виде и половина при подписании последнего листа последней корректуры; расчёт по уплате процентов с каждого проданного экземпляра происходит один раз в год, в сроки, определяемые Издательством, по утверждению годового отчёта Издательства.

VI. Пересмотр и исправление текста для следующего издания совершается по взаимному соглашению и на особых, всякий раз выработанных, условиях.

VII. Вы обязуетесь предоставить рукопись в окончательном виде не позже 1-ого сентября 1923 года.

НАСТОЯЩИЕ УСЛОВИЯ ПРИНИМАЮ: *(подпись)*

Овальная печать Издательства «ПЛАМЯ»

[Чернилами:] Исправленному «сентября» верить *(подпись)*

[И2]

[На бланке издательства «ПЛАМЯ»]

Прага, 22 августа 1927 г.

Господину Д-ру С. И. Карцевскому,

Радошовице у Праги.

Милостивый Государь,

Мы своевременно получили Ваше письмо от 10-го с. м. и настоящим доводим до Вашего сведения, что, в силу действующего закона, Вы имели бы право переиздать выпущенную нами книгу «Русский язык. Часть I.» не ранее истечения 10 лет со дня выпуска книги в нашем издании.

Принимая во внимание, однако, Ваше заявление о том, что книга будет Вами выпущена в переработанном виде, под другим заглавием и на не зарубежном рынке, мы настоящим подтверждаем своё согласие на выпуск изданного Вами Вашего труда в новом издании под общим заглавием «Повторительный курс родного языка».

Желаем успеха Вашей новой книге и просим принять уверения в совершенном к Вам уважении.

[Печать: «Издательство / и книжная торговля / “ПЛАМЯ”»]

(подпись)

Письма от А. М. Пешковского

Источник: ААР/2012/16/15/1-1

[III]

23/IX 27 г.

Дорогой Сергей Иосифович!

I

Получил Ваше письмо в Хосте, Черноморской губернии (близ Сочи), где я лечусь и отдыхаю от переработки «Русского Синтаксиса». Закончил я эту работу только 24/VIII. Вышло около 32 печатных листов, из коих 27 (не подряд) написаны *заново*. К декабрю надеюсь иметь возможность послать книгу Вам и разослать другим специалистам (при чём приму во внимание и Ваши указания). Ваш «Повторительный курс»²¹ сейчас передо мной в сверстанном виде. Вышло это так. Гиз всё время почему-то считал само собой разумеющимся, что я оказываю Вам эту услугу, а я, дорабатывающий «Синтаксис», не имел времени справиться у Вас, понравится ли Вам эта услуга, и не имел мужества указать Гизу, что он должен посылать корректуру в Прагу. У них почему-то заграница отождествляется в представлении чуть ли не с «тем светом», и они не могли себе представить в данном случае обычного хода вещей. Но я всё время просил их скорее набрать, предупреждая, что 1/VIII уеду (таковы были надежды). И вот, 24/VIII, в день отъезда, когда я зашёл в Гиз, мне протягивают ваши гранки (весь текст сразу). Я заявил, что сегодня еду на отдых, что брать с собой гранки в состоянии крайнего переутомления категорически отказываюсь, и что рекомендую им послать их Вам в обычном порядке. Они же предпочли сверстать их и прислать опять-таки мне спешной посылкой. Что мне было делать? Я знаю, что редакционная сторона у Вас совершенна и больших изменений Вы в неё не внесли бы, по существу дела Ваши взгляды тоже не могли за этот период так измениться, чтобы это нашло отражение в кратком учебнике; с другой стороны, наискорейший выход книжки необходим для Вас (см. ниже) <...>

Сопоставив всё это, я решил взяться за корректуру. Как ни медленно (из-за ванн и утомления с ними связанного) веду я её, это всё же выйдет быстрее, чем если бы я отослал в Москву и оттуда (Бог знает через сколько времени!) послали бы к Вам. Три листа уже прокорректированы, и дня через четыре я надеюсь отправить готовую корректуру в Москву. Если же Вам паче чаяния необходима Ваша собственная корректура, пишите* Гизу об этом *немедленно*.

II

Теперь, почему Вам нужен скорейший выход книги? 1) По выходе Вы получите последние 30 %. 2) Все мои хлопоты о «Мысль и язык»²² и т. д. могут быть пло-

---

²¹ Выйдет в 1928 г.

* Вспомнил волокиту ихнюю и решил, что и письмо не захватит набор до вкладки в машину.

²² Можно предположить, что Карцевский думал с помощью Пешковского издать в СССР перевод или книги Ф. Брюно «La pensée et la langue» (Мысль и язык) (Paris: Masson, 1922), которую он цитирует в своей рецензии о работах Пешковского (см. [Карцевский 2000: 305]) или, более

дотворны только в том случае, если Вас здесь *больше будут знать*, а последнее может иметь место только по выходе Вашей книжки. К сожалению, я, как автор предисловия, не нахожу возможным рецензировать её, но я постараюсь, чтобы мои друзья сделали это как можно скорее. Не скрою от Вас того печального обстоятельства, что фонологическое пособие могут купить у нас только из рук *известного* автора. Ваша книжка была куплена, потому, что она — *учебник*, а не пособие (хотя, признаться Вам на ухо, в процессе корректуры я пришёл к выводу, что *нигде* она не сможет быть учебником, даже в нашей современной *высшей* школе, так она трудна). Филологические же труды, не являющиеся ни учебником, ни пособием, могут в настоящее время издаваться у нас *только за счёт автора* (выход «Синтаксиса» Шахматова обусловлен исключительно юбилеем Академии).

Как только вернусь в Москву (думаю быть там 7/X) поведу переговоры о Ваших книгах (теперь я не буду уже так каторжно занят, как это было последние четыре месяца из-за «Русского синтаксиса»), но по только что указанным причинам, крайне пессимистично смотрю на «Систему русского глагола» (буду говорить о ней краснея, как если бы предлагал порнографию, таков наш *дух* сейчас) и почти так же пока что на «Мысль и язык» (я предполагал, что она сперва пройдёт в журнале, это облегчило бы дело). Но в отношении последней, как уже сказано, условия могут измениться. Единственная тема, которая была бы принята безоговорочно от любого автора, это — социальная природа языка, особенно, если бы эта природа была освещена под марксистским углом зрения**.

Теперь о Лебедеве. Перед отъездом мне, наконец, удалось созвониться с ним, и я убеждал его послать Вам гонорар. Он говорил, что не знает путей превращения рублей в доллары. Я сказал ему, что он об этом может справиться в Гизе, откуда уже посылали Вам доллары. Но он, конечно, как человек жуликоватый, не станет *стараться* платить долги, когда есть законный повод не платить их. На него надо *нажать*, т. е. в данном случае узнать точно в Гизе порядок дела и сообщить ему, чтобы у него не было отговорок. Всё это я надеюсь сделать по приезде.

Вот всё, что я мог и смогу сделать. Мне от всей души хочется помочь Вам в критический момент, но до сих пор я был скован по рукам и ногам «Синтаксисом». Теперь, надеюсь, это будет иначе.

Вспомнил ещё одну тему, которая прошла бы. Это — конспект «Синтаксиса» Шахматова для учителей. Книга эта им не по зубам и не по силам (в смысле времени нужном для прочтения), а в то же время ею интересуются. Но работа эта материально очень неблагодарная, т. к. 1) требует детальнейшей проработки Шахматовского текста, 2) приводит к созданию *маленькой* книжки, 3) требует, пожалуй, дележа с наследниками Шахматова. Но работа очень *нужная*, и если Вы откажетесь, то рано или поздно её сделаю я (хотя мало в чём согласен с Шахматовым).

вероятно, вышедшей в 1922 г. в BSL (Т. 23. С. 117–137) статьи, написанной Ш. Балли «La pensée et la langue» (Мысль и язык) по поводу одноимённой книги Ф. Брюно.

** Вспомнил о Нуаре и о происхождении языка. Эта тема тоже прошла бы и особенно популяризация взглядов Нуаре [Noiré L. (1829–1889) Der Ursprung der Sprache. Mainz, 1877].

Если захотите работать, я поделюсь с Вами мыслями о том, чем, собственно, эта книжка должна быть. Кстати, что думаете о «Синтаксисе» Шахматова Вы и Ваши французские друзья, а главное, *читали* ли Вы и они её? При данном состоянии связей наших с границей, вопрос этот ни для кого не может быть обидным.

Книг от Вашего знакомого (для перевода) я не получал и думаю теперь, что такого рода услуга требует *непосредственной* дружбы. Если *Прага* в этом отношении ничего не даст, то на деле надо поставить крест. Быть может, Женева будет для этого удобнее?

Письмо моё затянулось настолько, что я не могу уже ничего сообщить Вам о себе. Вы не должны на это сетовать, т. к. чем меньше будет моё письмо, тем скорее я закончу корректуру. Поэтому ставлю точку.

Будьте здоровы, пишите.

Ваш А. Пешковский

Привет Евгении Евгеньевне и детям.

[II2]

23/III[-1928]

Дорогой Сергей Иосифович!

Вчера выслал Вам «Молодого Толстого» и свои дублеты. Очень прошу Вас выслать в счёт долга *спеишо* книгу *Simon Pédagogie expérimentale*²³. Она мне крайне нужна. Рукопись В. выручил, и она пойдёт в *первом* номере²⁴, но плату нескоро удастся выручить. В конце апреля надеюсь выслать Вам свой «Синтаксис» — *37 печатных листов*! Вчера подписал к печати последний лист.

Будьте здоровы.

Ваш А. Пешковский

P. S. Разрешите ли Вы поместить Вас в списке сотрудников этого номера?

[II3]

9/IV.28

Дорогой Сергей Иосифович!

Вчера корректировал для журнала Вашу статью²⁵ (о «нашем языке») и усомнился в правильности моего понимания одного места: говоря о категориях одушевлённости и неодушевлённости (разные замены вин. пад.), Вы пишете²⁶: «сравн. “пуля ранила солдата” и “пулей ранило солдата”». Я выделил слова «пуля» и «пулей» и понял так, что первый оборот лежит здесь для Вас в плоскости одушевлённо-

---

²³ *Simon Th. Pédagogie expérimentale: Écriture, Lecture, Orthographe. Paris: Armand Colin, 1924. 275 p.*

²⁴ Вероятно, журнала «Родной язык и литература в трудовой школе» за 1928 г.

²⁵ Вероятно, речь идет о статье «Еще раз об учебниках А. М. Пешковского», опубликованной нами в [Карцевский 2000: 281–305].

²⁶ См. [Там же: 298–299].

сти, а второй в плоскости неодушевлённости. Так ли это? Если так, то Ваша ли это мысль, или Вы это вычитали, а если последнее, то где? Мысль очень смелая и очень интересная. Получили ли Вы книги («Молодой Толстой», Шор, Шахматова) и письмо (с просьбой о Симоне «*Pédagogie expérimentale*»)? Если да, то почему не отвечаете?

Жму руку,

Ваш А. Пешковский

[174]

25/VIII.29 г.

Дорогой Сергей Иосифович!

Получил от Вас целых три письма, два из которых, два (*sic*) разминулись с моим, а третье представляет ответ на моё. Буду отвечать, держа все три письма перед собой в порядке самих писем и их текста. Охотно сделаю всё, что смогу в деле снабжения Фоуер русскими книгами, но боюсь, что смогу очень мало. Относительно каталогов Гиза и других издательств (поскольку у других издательств они есть, в чём сомневаюсь!) похлопочу и надеюсь на некоторый успех. Относительно «Книжной летописи», раз она так дорога, могу с уверенностью сказать, что дело гиблое: наличный расчёт и только. Д. Н. Ушакову Ваше письмо передам, как только он приедет из Кисловодска, и тут я уверен, Вы получите всё то небольшое, что имеется. У него же справлюсь и о том, к кому лучше всего обратиться в Академии Наук, хотя, должен сказать, что получать оттуда бесплатно сейчас страшно трудно. Я сам получаю только те томы «Известий», в которых есть что-нибудь моё, и сам всё собираюсь урегулировать этот вопрос. Жмутся страшно. Текущий счёт открыть в магазине, я думаю, можно. На днях поговорю с тем магазином, который выслал Вам последнюю партию книг, и если сговорюсь, то положу там часть* имеющихся у меня Ваших денег (это мне даже будет очень приятно, потому что я очень мало по природе приспособлен для банковских операций). Только имейте в виду, что этот «текущий счёт» не будет допускать *ни копейки* перерасхода (говорю это по чутью, но с твёрдой уверенностью). Даля я Вам вышлю своего, так как Вы просите без переплёта, а я как раз страшно тягочусь «беспереплётностью» своего Даля и хочу купить в переплёте. Я и решил: выслать Вам своего (на нём *ни одной* пометки), а затем приискать себе в переплёте и выискать с Фоуер то, что мне придётся заплатить за вычетом цены переплёта.

Я уже было приступил к делу, но оно оказалось мне *физически* не по силам, так как эти книжищи страшно тяжелы, а я больше 5 фунтов не поднимаю. Выручила жена, которая обещает 27-го утром свезти их на Центральный Почтамт и отправить их посылкой** (бандеролью нельзя, так как нет картона, и они рассыпятся).

* Вычтя приблизительно стоимость Даля, см. ниже.

** В адрес Фоуер, конечно.

Это всего на два дня позже, чем Вы пишете, и я надеюсь, что это не очень Вас обездолит. Напишите, на каком языке и в какой форме прислать Вам счёт для Фоуе, я ни русских, ни тем менее французских счётов писать не умею. Или, может быть счёт от частного лица не годится? Я думаю, можно будет в этом случае достать счёт и от магазина, хотя, конечно, лучше бы обойтись без этой маленькой лжи. Что же касается счёта на последние книги, то напишите точный их список, и Вы получите счёт. Пославши книги, я выбросил список, и теперь не помню точно, что послал. Журнал наш выдаётся *только авторам статей* (и то не всем хватает). Получать можно будет только платно. Если Вы хотите участвовать, то Вам необходимо его просматривать, чтобы иметь представление о том, что для нас может подойти. Я бы Вам советовал купить для Фоуе весь комплект за 1928–1929 гг. (через тот магазин, о котором выше). О литературных и критико-литературных журналах ничего не знаю (не успеваю смотреть), но при случае справлюсь у Е. Ф. Никитиной, которая вообще любит библиографию (я её *терпеть не могу*, т. е. библиографию, а не Никитину) и специализировалась по библиографии новейшей литературы (кстати сказать, любезнейшая женщина, и она, пожалуй, кое-что для Вас сделает). Относительно книг для Фоуе должен ещё сказать, что *кроме Академии Наук* (да и то проблематично) ни от одного учреждения или издательства *ни одной книги бесплатно* получить нельзя будет. Это я *чувствую* твёрдо. От соавторов же кое-что будете получать, и об этом я постараюсь. Кстати, напишите, нужны ли Вам (т. е. Фоуе) школьные *учебники* языка, правописания, стиля и т. д.? Эти книжки легче всего было бы Вам сосватать, так как при повторных изданиях авторские экземпляры выдаются Гизом, так что Д. Н.²⁷, например, (у которого тираж ушёл уже за миллион) прямо завален своими учебниками и очень страдает от них.

Ваших денег после высылки Даля будет около 35 руб., на них я закажу магазину всё, что Вы потребуете. Но теперешнему списку (в последней открытке) не доверяю, так как Вы ещё не видели, что я Вам выслал.

Рецензию на Боташёва²⁸ не пишите, пока я не поговорю с кем следует. Боюсь, что *место издания* в настоящий момент будет уж слишком одиозно. На мои книги пока некуда писать. Но Вы можете писать для нас *теоретические статьи* при условии, что будете в курсе того, что у нас пишется (см. выше).

Кажется, ответил на всё, и так как страшно спешу (сейчас еду на вокзал, в Кострому на 4 дня просвещать педагогов по части синтаксиса), ставлю точку.

Привет Е. Е. и детям.

Ваш А. Пешковский

²⁷ Дмитрий Николаевич Ушаков (1873–1942).

²⁸ Константин Александрович Боташёв — автор учебника «Опыт системы обучения сочинению в средней и начальной школе», изданного в 1927 г. в Харбине. Одна статья Карцевского об этом учебнике была опубликована в №27 (1928 г.) журнала «Русская школа за рубежом», изданного Карцевским и другими в Праге (см. письмо от Боташёва [Б] от 25/VII-1928 г.).

[115]

7/IX.29

Дорогой Сергей Иосифович!

На днях отправил в адрес Очага Даля, а ранее Вам большое письмо (по ошибке на *университет*). Оказалось, что для отсылки Даля, как книги дореволюционной, требуется специальное разрешение и этим объясняется задержка в высылке. Не скрою от Вас, что заняло это у меня три полудня (хлопоты о разрешении), кроме того взяло массу денег (21 р. одной *пошлины*, 2 р. гербовых сборов, упаковка и т. д.), но так как Вы писали: «за любую цену», то я перед этим не остановился. Теперь Ваших денег осталось у меня пустяк. *Очень жду рецензии Мейе*²⁹ (если можно в двух экземплярах).

Будьте здоровы,

Ваш А. Пешковский

Письмо от К. А. Боташёва [Б]

Источник: ААР/2012/16/9/5

25 июля 1928 года

Глубокоуважаемый Сергей Иосифович

Очень благодарен Вам за Вашу книгу, которую я прочёл очень внимательно и с большим интересом. Вот какие мысли возникли у меня в связи с ней.

Вы называете её «повторительным» курсом. Но что же она «повторяет»? Ведь в школе и в советской и в эмигрантской до сих пор изучают язык по грамматикам Ананьина, Кульмана и пр. Я получаю много писем от приятелей педагогов из Советской России; я имею много знакомых учителей в советских школах, здесь, в Харбине; я хорошо знаю постановку преподавания русского языка. В здешних эмигрантских школах — всюду господствует старая практика грамматических вопросов. Ясно, что Ваша книга не может служить «повторительным курсом»: в ней нет ни одного элемента, напоминающего «старое»; она будет совершенно непонятна учащимся: у них нет для этого фундамента; они не имеют даже тех сведений, которые имели когда-то мы, учившиеся по-старинке.

Мало того. В настоящее время нет учителей (я говорю не об отдельных учителях, а о массе), которые смогли бы провести это повторение так, как Вы намечаете его: эта книга не доступна для понимания не только детей, но и учителей (в массе). Вы сами чувствуете это и работаете над книгой *для учителя*. Но беда в том, что и книга для учителя не поможет. Ваши взгляды, как, впрочем, и вообще научный взгляд на язык, настолько новы, настолько оторваны от всего старого, что ставят учителя в необычайно трудные условия усвоения знаний: у учителя нет основы, на которую можно было бы легко уложить новые знания; он вынужден усвоить

²⁹ По всей вероятности, речь идет о хвалебной рецензии на третье издание «Русского языка в научном освещении», опубликованной в BSL. 1929. Vol. XXIX. P. 206–207.

«верхи» науки без основных, элементарных знаний. Только сильный волей, умеющий себя «ломать», особым образом преданный науке и школе учитель может всё это преодолеть и уразуметь, остальные впадают «в уныние». Поверите ли, когда случается делиться с коллегами мыслями о том, к каким выводам приходят теперь наши грамматисты, для них (я говорю о лучших учителях с высшим образованием) это настолько ново и трудно, что они не хотят даже вникать в это, а иные считают это не выводами учёных, а затеями большевиков. Никто из них не читал ни Ваших статей и книг, ни статей и книг Пешковского, Дурново, Ушакова, Петерсона и др., хотя здесь легко всё это достать. Года два назад в советских школах заговорили о формальной грамматике. Так называемый «профессор» Кузнецов стал читать «лекции» о формальной грамматике «студентам» местного Педагогического Института. Волна докатилась до эмигрантских школ. Приходилось беседовать с коллегами. Одному из них я дал Вашу статью в «Русской школе»³⁰. Он признался мне, что не смог одолеть её и не прочёл до конца.

И, знаете, я понимаю их. Средний образованный человек легко усваивает всякую науку (математику, химию, физику и пр.), но что же это за наука такая — наука о языке, — которую усваивают только избранные?! В своей статье об «Очерках синтаксиса» Петерсона Дурново пишет, что понятие о грамматической форме (а это ведь основной вопрос) настойчиво разъясняется «всякий раз, когда заходит где-нибудь грамматический разговор», — разъясняется Фортунатовым, Ушаковым, Пешковским и др., — а в результате оказывается, что этого не могут уразуметь не только рядовые учителя, но и «такие авторитетные профессора, как Будде и Державин». А я думаю, не отнести ли сюда и самого Дурново и многих других (вспомним полемику на страницах «Русский язык в школе» между Павловичем и Дурново, Абакумовым и Дурново и др.). Очевидно, неблагополучно не только с изучающими, но и с самой наукой.

И вот Дурново приходит к выводу по поводу «Очерков» Петерсона, что Петерсон делает ошибку, начиная со середины: он «предполагает известным то, что не известно». А «Очерки» ведь не учебник и рассчитан на подготовленную аудиторию! Мне кажется, что и Вы повинны в этой ошибке: Вы ломаете всё старое, строите всё заново, вводите массу новых понятий (не забудьте, что Вы занимаете особую позицию среди русских грамматистов) — всё это может быть по силам только *избранным* и только после *упорной* работы. И Вы называете это «повторительным» курсом!

Нет, Ваша книга не учебник и не «повторение». Она может стать учебником и «повторением» только тогда, когда будет создана стройная научная система, будут подготовлены новые учителя, будет в корне изменено преподавание языка в младших классах, будут созданы новые программы и учебники. В настоящее же время Ваша прекрасная книга доставит громадное удовольствие и будет весьма полезна только профессорам, немногим учителям, достаточно подготовленным студентам-филологам.

---

³⁰ Русская школа за рубежом / Под ред. С. И. Гессена, С. И. Карцевского. Прага, 1923–1931.

Мне кажется, что Ваша позиция в науке наиболее приемлема и Ваша система наиболее стройна, и цельна и удобопонятна для массы учительства. Года два назад у меня настойчиво стучалась мысль обратиться к Вам и заявить о насущной нужде для нас, обычных учителей, иметь подробнейшее и *популярное* разъяснение выводов современной науки о языке, всех грамматических течений, понятий, терминов и критическую оценку формальной грамматики. Это можете сделать только Вы, никак не москвичи. Тогда и Ваш учебник для учителей будет «работать».

Доцент Н. А. Стрелков на днях сообщил мне, что Вы поместили сочувственный отзыв о моей книге³¹ в №27 «Русской школы за рубежом». У него этот номер был в руках случайно от его личного знакомого, поэтому он не мог мне его дать. Обычно я покупаю «Русскую школу за рубежом» в магазине «Пламя», но там сказали, что книга ещё не получена. Таким образом я не смог ещё ознакомиться с столь интересным для меня и нужным отзывом. Во всяком случае я скоро буду его читать. Очень благодарен Вам за внимание к моей книге. В настоящее время я работаю над составлением «Систематического курса сочинения». Постараюсь использовать Ваши указания. Думаю также, что Ваш отзыв привлечёт внимание к моей книге. Уж очень плохо она расходуется.

Между прочим, «Пламя» заявило мне, что №27 «Р.Ш.» придёт месяца через 2, так как книжки отсылаются морем, а не через Советскую Россию. В интересах Вашего журнала, вероятно, следует обратить на это внимание. Кто-то (вероятно, Христианский Союз) получает через Советскую Россию и таким образом, особенно «ярые» читатели уже оказываются с книгой, когда «Пламя» только что получит. Это приводит к тому, что журнал расходуется не так хорошо, как это следует.

С искренним уважением

К. Боташев

Письмо от Н. Н. Дурново [Д]

Источник: ААР/2012/16/9/5

Москва, 28.III.1933

Многоуважаемый Сергей Осипович,

Так как Вы были близки с А. М. Пешковским, то считаю своим долгом сообщить Вам, что он скончался вчера утром. Ещё в ноябре он порвал себе сухожилие на ноге. Ногу заделали в лубки, а она не заросла, а образовалось нагноение. В конце концов получилось стрептококковое заражение, и, хотя ногу и ампутировали, стрептококки остались.

Здесь нет никого, кто бы мог написать некролог Пешковского с правильной оценкой его научных заслуг. Мог бы это сделать только Булаховский, но он писать не будет. Я тоже писать некролог его не возьмусь, потому что не сумею достаточно рельефно, как следует эти заслуги в своём некрологе представить. Между тем,

³¹ Боташев К. Опыт системы обучения сочинению в средней и начальной школе. Харбин, 1927. С. IX+263.

написать некролог для «Славии» или «Revue des études slaves», надо. Я думал, что Вы могли бы это сделать. Нужные биографические справки я Вам пришлю на днях.

Мне Учпедгиз (Учебно-педагогическое издательство) заказал учебник для вузов по истории языка; кроме того, по заказу его же пишу отдел синтаксиса в учебнике для вузов по современному литературному языку.

Николай Дурново

Письма от Р. О. Якобсона

Источник: AAP/2012/16/14/1

[На бланке «SLAVISCHES RUNDSCHAU» со штампом «Ostslavisches Referat / R. JAKOBSON, / prag vii bělského 16.»; напечатаны на машинке]

[Я1]

2.IX.30

Дорогой Сергей Иосифович.

Если меня не обманывает чутьё, то, кажется, всё начинает налаживаться. Шаги твоих друзей не прошли зря. Отношение в Министерстве улучшается. На днях ты увидишь симптомы. Теперь ты в свою очередь должен приложить все усилия, чтобы окончательно рассеять сгустившиеся было тучи. Я знаю, что, когда нужно, у тебя есть достаточный такт для этого. Только не относись к этому легкомысленно.

Что мне донельзя обидно, это, что ты, с твоим исключительным научным талантом и лингвистическим темпераментом, судя по всему, из Бог весть каких заблуждений и слабостей, забрасываешь свою работу. Я не ожидал от тебя такого малодушия. Что за охота отказываться от этого лучшего оружия борьбы с собственным душевным омещаниванием. Ты даже не ответил мне на предложение, которое я тебе по поручению пражского Лингвистического Кружка, который тебя ценит и любит, передал³². Непременно возьми за дело. Я убеждён, что ты можешь набросать основные принципы синтаксической фонологии, т.е. учения о звуковых средствах, дифференцирующих значения словосочетаний в целом. Набросай теорию интонаций, пауз, фразного ударения, т.е. иерархии ударений. Можешь ограничиться русским языковым материалом. И литература ведь невелика. Я убеждён, что ты можешь создать чёткое принципиальное построение, отталкиваясь от синтаксиса Пешковского, от его статьи «Интонация и грамматика» и от книги Всеволодцкого-Гернграсса — «Теория интонации». Если у тебя нет последних двух

---

³² Можно предположить, что речь идет о предложении принять участие в редакции тезисов, о которых Н.С. Трубецкой 16/IV-1929 писал Р. Якобсону: «Кружок готовит тезисы по всем этим вопросам и постановил привлечь к участию в разработке тезисов нескольких русских лингвистов, как наиболее близких к взглядам кружка, в том числе Вас, Карцевского...» (письмо XLIV [Трубецкой 2004: 122]). См. TCLP. I. С. 5–29.

из названных работ, я тебе пришлось, ведь это очень увлекательная задача. Отчего ты не берёшься? Жду ответа.

Дружеский привет Евгении Евгеньевне.

Твой Р. Якобсон

[Я2]

14.XI.30

Сергею Иосифовичу Карцевскому
Женева

Дорогой Сергей Иосифович.

Не писал тебе так долго по следующей причине: в течение энного количества недель я телефонировал почти каждый день, а то и ездил в министерство с одной целью: добиться, чтобы тебе, наконец, выслали деньги. Эта сумма — 6.000 к\$ — для тебя выписана уже давно, но нужны ещё какие-то подписи и формальности, чтобы она, наконец, фактически двинулась. Теперь мне обещали, наконец, что на днях будет послано. Усугублю напор. Во всяком случае, с получением этих денег ты можешь считаться.

У меня самого был острый финансовый кризис, из которого только сейчас медленно начинаю вылезать.

Я страшно рад, что ты, как сообщила мне Светлана, заканчиваешь статью. Какую именно? Принципы фонологии словосочетания вообще или же набросок русской фонологии словосочетания? И в том, и в другом случае мы рассчитываем, что ты и прочтёшь эту статью или, по крайней мере, 20-минутное извлечение из неё на нашей конференции, которая обещает быть очень содержательной. Уже обещало принять участие несколько интересных лингвистов Де Хроот³³, Улашин³⁴, Дорошевский³⁵, Соммерфельт³⁶, философ Бюллер³⁷, и др. Для IV выпуска «Траво»³⁸ было бы приятно получить от тебя две вещи: с одной стороны теоретическую статью о принципах фонологии словосочетания или синтаксической фонологии в целом, с другой стороны — главу о синтаксической фонологии современного русского литературного языка, которая составила бы заключительную часть к моей и Трубецкого работе — Фонология современного русского литературного языка.

Непременно приезжай. Строго между нами: пропотделом министерства иностранных дел теперь будет заведовать вместо Гаека, который, во-первых, тебя недолюбливал, во-вторых, очень мало интересовался наукой, человек, близко причастный к науке и очень дружелюбно относящийся к Лингвистическому кружку — Буттер. Я думаю, что с Матезиусом, когда ты будешь здесь, могли бы для

³³ Albert Willem de Groot (1892–1963) — голландский лингвист.

³⁴ Генрих Владимирович Улашин (1874–1956) — русский филолог.

³⁵ Witold Jan Doroszewski (1899–1976) — польский языковед, славист.

³⁶ Alfred Sommerfelt (1892–1965) — норвежский лингвист.

³⁷ Karl Bühler (1879–1963) — немецкий психолог и лингвист.

³⁸ TCLP.

тебя с ним что-нибудь сладить: субсидия на чтение в университете лекции по богемистике и т. п. Жизнь здесь тебе ничего не будет стоить: ты остановишься у меня. Сегодня в заседании президиума Кружка поставлю вопрос о том, чтобы тебе был заплачен гонорар за твою статью или статьи для «Траво», который бы покрыл полностью или хотя бы частично стоимость проезда.

Надеюсь, ты получил Гернгросса? Я с тобой согласен — вопрос труден, но я убеждён, что ты с ним справишься. Я себе представляю синтаксическую фонологию так: это, с одной стороны, фонология синтагмы. Этот термин я применяю в бодуэновском, а не в твоём смысле, т. е. синтагма — наименьшая дробь синтаксического целого, т. е. слово в его отношении к словосочетанию. Фонология синтагмы изучает те фонологические средства, которые позволяют выделить слово в словосочетании, например, русское ударение является, с одной стороны, фактом фонологии слова, т. е. отличает по значению одно слово от другого слова: *ви́на* — *вина́*. С другой стороны, это факт фонологии синтагмы, т. е. оно выделяет слово в словосочетании, например, вина преступника: два ударения — две синтагмы. Ударение в аспекте фонологии синтагмы есть одно из средств, отнюдь не единственное, характеристики «фонологической вершины синтагмы». На этом понятии я остановлюсь в своём докладе «Ударение и его роль в фонологии слова и синтагмы»³⁹. Вторая часть синтаксической фонологии — это фонология словосочетания, т. е. рассмотрение тех фонологических средств, которые служат дифференциации значений словосочетаний как таковых, например противопоставление утвердительной интонации вопросительной интонации и т. д., или разные типы иерархии ударений синтагм, т. е. так называемое фразное ударение и т. д. Я согласен с Пешковским, что здесь нелегко провести границу между фонологическим и внефонологическим — экспрессивным; я согласен с ним и в том, что фонологические средства могут здесь быть заменены средствами иных планов: порядок слов, специальные слова и т. д., но всё-таки, какой-то фонологический минимум на лицо. Всё-таки есть вопросительная интонация, как фонологический факт. Если её совсем нет, это такой же случай замены, как, например, замены времён и наклонений, которые ты в своей работе превосходно охарактеризовал. Может-быть, самый сложный вопрос фонологии словосочетания — это не интонация и не фразное ударение, а паузы. Помнишь ли ты главу о паузах в труде Верье⁴⁰ об английском стихе? Если нет, непременно просмотри. Этот труд в Женеве, наверное, есть. Кажется, это в первом томе. Там много верного. Но всё-таки очень существен вопрос, что при анализе паузы считать основным, фонологическим признаком, и что сопутствующим фонетическим явлением. Ведь реализация паузы многообразна: тут и особая музыкальная каденция, и силовые отношения, и количественная каденция, т. е. продление конечного слога, как, например, в чешском, или, напротив, со-

³⁹ Это будет 13-й доклад «Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagmaphonologie» 19 декабря 1930 г. на Международной фонологической конференции (TCLP. IV. P. 164–182).

⁴⁰ Paul Verrier (1860–1938) — автор трехтомника «Essai sur la métrique anglaise» (Об английской метрике) (Paris, 1909–1910).

крашение, как в московском говоре. Сюда же относятся и разнообразные явления т. н. абсолютного конца и абсолютного начала слова.

С большим интересом жду твоей работы. Я убеждён, что, как и всегда, ты дашь новую, продуктивную постановку вопроса.

Ты просишь прислать тебе тезисы нашего описания фонологии русского слова, но я не думаю, чтобы это тебе много дало. Впрочем, конечно, прежде чем печатать мы все части описания — наши и твою — соличим и совместно постараемся унифицировать.

Я сейчас всецело в фонологических вопросах и хлопотах по подготовке конференции. Интерес к фонологии продолжает расти. Появился ряд новых статей по фонологическим вопросам, в частности ван Вейка⁴¹, вскоре появится, по слухам, и статья Мейе⁴². Я очень рад, что Сешез в своей недавней статье принимает мою концепцию исторической фонологии. С другой стороны, Щерба принимает наши правки к Бодуэну.

Подробно обо всем поговорим, когда приедешь. Статью пришли мне, как только будет готова. Если бы обстоятельства сложились исключительно неблагоприятно, и ты не мог бы приехать, я прочту твой доклад за тебя, но это только на самый, худой конец.

Сердечный привет Евгении Евгеньевне. Софья Николаевна в провинции заменяет окружного врача. Вернётся, вероятно, только недели через две. Светлана⁴³ очень усердно учится и преуспевает.

Твой Р. Якобсон

[ЯЗ]

21.XI.30

Дорогой Сергей Иосифович.

Сегодня снова ездил к Папоушку в министерство. Обещал на следующей неделе дело о шести тысячах уладить.

Несмотря на твои сомнения, я полагаю, что никто другой, кроме тебя, не может написать основ синтаксической фонологии. У тебя есть чёткое представление о сути синтаксиса, а это главное. Те твои выводы из этой области, которые ты приводишь в письме, интересны и, по-моему, убедительны. Что касается ударения в качестве факта фонологии слова, я останавливаюсь на разных подробностях этого вопроса в своём докладе для конференции — «Ударение и его роль в фонологии, слова и синтагмы»⁴⁴. Я тебе пришлю этот доклад на днях, как только перепишу его. Твоя мысль о том, что в фонологии слова нет корреляции — «ударение — безударность», а есть корреляция — «редукция — отсутствие редукции» почти дословно

⁴¹ Nicolaas van Wijk (1880–1941) — голландский лингвист, член-корреспондент АН СССР с 1928 г.

⁴² RES x. Fasc. 1–2. P. 91–92.

⁴³ Дочь С. И. Карцевского.

⁴⁴ См. сноску 39 к предыдущему письму.

совпадает с мыслью Трубецкого, которую он сообщил мне в письме⁴⁵, пришедшем почти одновременно с твоим. Может быть, вы правы. Для меня до сих пор этот вопрос ещё не совсем проявился. С большим интересом жду твоей работы, программа конференции будет разослана в понедельник. Твой доклад⁴⁶, включён уже. Комитет Круга взялся оплатить твою дорогу. Можешь на это рассчитывать. К какому, примерно, числу ты приедешь? Конференция начинается 18-го. Здесь расходов не будет. Остановишься у нас, кормить членов конференции будет Кругок. С. Н. [София Николаевна] завтра возвращается в Прагу. Светлана процветает.

Дружеский привет Евгении Евгеньевне.

Твой Р. Якобсон

[Я4]

29.XI.30

Сергею Иосифовичу Карцевскому
Женева

Дорогой Сергей Иосифович.

Схема твоей работы, по-моему, правильная, мне кажется, что ещё один важный факт — это фразные ударения: Положи книгу на стол, Положи книгу на стол, Положи книгу на стол. Это особенно ясно из сопоставления с французским, где градация ударений внешне обусловлена. Фразный такт я себе представляю как такой отрезок фразы, который без изменения смысла фразы может быть отделен паузами от прочих отрезков. Это есть, таким образом потенциальное явление синтаксической фонологии. Надеюсь, ты уже получил подробную программу конференции⁴⁷. На днях получишь проект стандартизированной фонологической терминологии и тезисы о фонологической транскрипции⁴⁸.

Я полагаю, что приехать тебе непременно надо. Доводы? Во-первых, повидать Светлану. Во-вторых, конференция для тебя, как и для всех нас, будет несомненно большим импульсом для дальнейшей работы и т. д., несомненно, выплывет ряд новых мыслей. 3. Одно дело переговоры на расстоянии, другое дело, когда мы втроем — ты, я да Матезиус насядем на ведомства. Чего-нибудь да добьёмся. Вопрос о регулярной научной стипендии, конечно, легче поставить при таких условиях. Когда я говорю о тебе, а ты где-то в пространстве, к этому относятся куда теоретичнее. 4. Деньги, которые будут тебе ассигнованы на проезд, переассигновать на иной предмет невозможно, поездка тебе, повторяю, ничего не будет стоить. По вопросу о гонораре поговорим здесь. Твои опасения перед

⁴⁵ Подобного письма нет в [Трубецкой 2004], но об этом Н. С. Трубецкой напишет позже Карцевскому, см. Т2 от 14/VI-1931.

⁴⁶ Это будет 15-й доклад «Sur la phonologie de la phrase» (О фонологии фразы) 19 декабря 1930 г. (TCLP. iv. С. 188–227).

⁴⁷ Réunion phonologique internationale (международная фонологическая конференция), которая состоится в Праге с 18 по 21 декабря 1930 г.

⁴⁸ Терминология и тезисы будут опубликованы в TCLP. IV. С. 309–326.

оппонентами — смешны. К тому же ты не один, а нас трое — трое подписавших гаагское предложение⁴⁹. Надеюсь, блок не расторгим. Конференция означает начало большой коллективной работы, в которой, я уверен, и ты примешь немалое участие, вопрос об оплате труда, повторяю, поставим ребром.

С твоей немецкой грамматикой⁵⁰ дело снова стоит небезнадёжно. Пытаюсь заинтересовать в ней одно очень крупное издательство, где сейчас работает мой брат. Надеюсь на успех, ибо это издательство с широкими планами и большими средствами. Что касается твоей грамматики для Общества Духновича⁵¹, то сорвал её Погорелов⁵², который приезжал в Ужгород и уговаривал с тобой не договариваться, ибо ты-де жид и ненаучен.

Для доклада 25 страниц, конечно, слишком много, но для печатания дай нам статью в полном виде, жалко сокращать.

Сердечный привет Евгении Евгеньевне от нас обоих. До скорого свидания.

Твой Р. Якобсон

[Я5]

31.I.31

Сергею Иосифовичу Карцевскому
Женева

Дорогой Сергей Иосифович,

Отчего не пишешь? Как твои дела? Сообщи подробно, потому что надо мне и Матезиусу начинать хлопотать по твоему вопросу, как мы условились в декабре. Что нового в твоих отношениях с Институтом, с министерствами, с местным университетом и т. д. Непременно пришли поскорее твой съездовский доклад⁵³. Во-первых, уже пора сдавать в типографию, во-вторых, мне важен новый толчок для Матезиуса в твоём деле. Постарайся прислать возможно скорее. Что касается твоей главы для нашей общей работы по фонологии русского языка, то постарайся кончить не позднее конца марта.

Получил письмо от Дурново, где он между прочим сообщает следующее: Карцевский спрашивал меня о том, идёт ли его учебник. Кажется, он надеется на возможность второго издания. Но это дело почти невозможное. Во-первых, теперь

⁴⁹ Предложение № 22 «Quelles sont les méthodes les mieux appropriées à un exposé complet et pratique de la grammaire d'une langue quelconque?» (Каковы наиболее пригодные методы для полного и практического представления грамматики какого-либо языка?) на 1-м Международном конгрессе лингвистов (10–15/IV-1928) в Гааге было подписано Р. Якобсоном, С. Карцевским и Н. Трубецким; см. Actes du premier congrès international des linguistes. Leiden, 1930. P. 32–36.

⁵⁰ Вероятно, речь идет о попытке издания «Повторительного курса русского языка» на иностранном языке, в частности на немецком.

⁵¹ Русское культурно-просветительное общество имени А. В. Духновича — карпато-русская организация русофильской направленности (1920–1945).

⁵² В. Погорелов (1872–1955) — русский лингвист.

⁵³ «О фонологии фразы», см. ЯЗ.

политположение изменилось, и ГИЗ вряд ли возьмётся издавать учебник эмигранта. Затем во главе отдела учебников стоит яфетидолог⁵⁴, а они враждебно относятся к женеvской школе. Затем все [учебники <перечёркнуто карандашом, исправлено>] примеры должны быть агитационные. Наконец, отсюда за границу ГИЗ гонораров переводить не имеет права. Учебник Карцевского⁵⁵ не только разошёлся, но на него имеется большой спрос. Однако переиздавать его, по крайней мере с фамилией автора, не разрешают. В виду спроса на учебник мы с Пешковским нашли, что ГИЗ мог бы издать рабочую книгу по языку, в основу которой была бы положена схема Карцевского. Есть лица, которые могли бы такую книгу составить. На обложке в таком случае фамилии Карцевского не будет, но в предисловии она будет указана. Карцевский мог бы получить часть гонорара (книгами или обменом с живущими в СССР и получающими заграничные гонорары), но по негласному частному соглашению с авторами, что я берусь устроить. Грамматическая часть переработки до представления в ГИЗ может быть ему прислана для его санкции. Согласен ли он на такие условия?

У нас новостей мало. Мы оба сейчас много работаем. Надеюсь, что в августе удастся попасть в Женеву⁵⁶. Я до сих пор не записался на съезд. Заяви, пожалуйста, что приеду, а официальное письмо я на днях напишу. Сердечный привет Евгении Евгеньевне.

Твой Р. Якобсон

[Я6]

10.II.31

Сергею Иосифовичу Карцевскому
Женева

Дорогой Сергей Иосифович.

О твоём деле Матеиус в министерстве будет скоро говорить. Надо выждать сколько-нибудь благоприятного момента. Моё дело, кажется, в порядке, т. е. лежит, по слухам, уже в совете министров. Относительно Светланиной стипендии вы напрасно волновались. Это была просто бюрократическая задержка, всё в порядке.

Теперь что касается твоих работ. Дело обстоит так. Сейчас набирается сборник⁵⁷ докладов, прочитанных на конференции. Пришли до 1-го марта твой доклад. В каком хочешь виде, т. е. либо в той форме, как ты читал на конференции, либо в более развёрнутом виде. Что касается триптиха⁵⁸, то нужно только сжатое

⁵⁴ Т. е. маррист.

⁵⁵ «Повторительный курс русского языка» (М.—Л.: ГИЗ, 1928. с. 112); переиздан нами [Карцевский 2000: 97–204].

⁵⁶ На 2-й Международный конгресс лингвистов, который состоится с 25 по 29 августа 1931 г.

⁵⁷ TCLP. IV.

⁵⁸ Так Р. Якобсон называет спланированную общую работу — «Фонология современного русского литературного языка». Р. Якобсон должен был писать первую часть «Phonologie générale du mot» (Общая фонология слова), Н. Трубецкой — вторую: «Das morphonologische System der

описание с примерами и никаких принципиальных рассуждений и т. д., просто конкретная дескрипция. Это к концу марта. Сроки я тебе сообщаю подлинные, а не фиктивные, поэтому не опаздывай. Дело с твоей грамматикой постараюсь окончательно выяснить и оформить в течение ближайших дней. Я хворал и запустил дела.

Сердечный привет Евгении Евгеньевне. Напишу Дурново о твоём согласии⁵⁹.

Твой Р. Якобсон

[Я7]

04.IV.31

Дорогой Сергей Иосифович,

Не писал тебе так долго, потому что выполнял всякие литературные недоимки: доклады для сборника, журнальные статьи и т. д. Твоя работа⁶⁰ чрезвычайно интересна: к сожалению, я мог только бегло прочесть её, потому что торопился сдать её заблаговременно в типографию.

Внимательнее прочту в корректуре. Кажется, тебе удалось осветить целую новую дисциплину. Сiju без денег, поэтому до сих пор не заплатил членский взнос в Женеву. На днях пошлю. Моё университетское дело, кажется, к осени оформится. Что касается твоих здешних дел, то сейчас самый что ни на есть пренеблагприятнейший момент, острый финансовый кризис и т. д. Матезиус к тебе страшно благожелателен и при первой возможности, я убеждён, что-нибудь предпримет. Очень досадно, что Бутер⁶¹ переведён в Париж. Готовишь ли описание фонологии русской фразы для нашего Триптиха⁶²? Моя часть будет готова в июне. Дурново просит не писать ему прямо. Если что хочешь сообщить, пиши через меня.

Как только получу корректуру твоей работы, напишу тебе подробно свои замечания. Я лично был в типографии и подробно разъяснил касательно шрифтов. Мой доклад о принципах исторической фонологии⁶³ в переработанном виде, кажется, интересен. Основной вывод: в языке [нет] единой функции, нет тенденции ни к увеличению, ни к уменьшению репертуара фонологических различий, а только к преобразованию репертуара. Увеличение или уменьшение репертуара происходит путём взаимодействия языков различных функций⁶⁴ — путём переключения

---

russische Sprache» (Морфонологическая система русского языка), а С. Карцевский — третью: «Description phonologique de la phrase» (Описание фонологии русской фразы). Только вторая часть увидит свет (см. Я16).

⁵⁹ С условиями издания грамматики в СССР (см. Я5).

⁶⁰ «Sur la phonologie de la phrase» (О фонологии фразы) // TCLP. IV. С. 188–227 с добавленной главой; текст переиздан в [Карцевский 2004: 246–289].

⁶¹ Глава пропотдела МИДа ЧР, см. Я2.

⁶² Имеется в виду «Фонология современного русского литературного языка», см. сноску в Я6.

⁶³ «Prinzipien der historischen Phonologie» (TCLP. IV. С. 247–267).

⁶⁴ Очевидно, в оригинале ошибка, которую можно интерпретировать двояко: либо «различных функций языков», либо «различных языковых функций».

функций. С твоей запиской о месте фонологии я вполне согласен. Соня и Светлана кланяются.

Сердечный привет Евгении Евгеньевне.

Твой Р. Якобсон

[Я8]

11.IV.31

Сергею Иосифовичу Карцевскому

Дорогой Сергей Иосифович.

Сборник быстро печатается и выйдет не позднее начала июня. В нём будет свыше 20-ти печатных листов, а наш Триптих — Фонология современного русского литературного языка — выйдет отдельной книжкой. Это будет первое издание Международного Фонологического Общества. Субсидию получим от Славянского Института. Печататься будет летом. От тебя требуется сжатое или подробное — как хочешь — описание фонологии русской фразы — тезисы, иллюстрируемые примерами. Вот и всё. Когда твоя грамматика будет готова, совершенно бесспорно протолкну её, — либо издаст Геземан⁶⁵, либо — есть возможности в Германии. Пожалуйста, выясни частным образом в комитете съезда, можно ли рассчитывать, что комитет у нас купит для съезда несколько экземпляров Фонологического сборника. Во-вторых, можем ли мы в течение мая получить список членов съезда с адресами, ибо кое-кому из членов съезда мы разошлём сборник бесплатно. Непременно выясни и ответь. С членским взносом не торопись. Привет Евгении Евгеньевне, о твоей записке напишу следующий раз.

Твой Р. Якобсон

[Я9]

19.V.31

Дорогой Сергей Иосифович.

Прости, что так долго не отвечал тебе

Твою фонологию фразы прочёл⁶⁶. Она произвела на меня очень сильное впечатление. И не только ценностью мыслей, но и большой художественностью. Читаешь специальную статью, а испытываешь при этом подлинное волнение. За каждой фразой чувствуется яркость темперамента, беспокойство исканий, тревога мысли. Это я тебе передаю своё неподдельное впечатление. Схоже отзывались и некоторые другие кружковцы, читавшие корректуру. Очень жаль, что ты не хочешь сделать естественного и очевидного вывода из собственной теоретической работы, т.е. вкратце охарактеризовать основные фонологические элементы русской фразы. Это тебе нетрудно сделать. Нужна в данном случае не новая теория,

---

⁶⁵ Gerhard Gesemann (1888–1948) — немецкий славист, основатель Немецкого общества славянских исследований и издатель журнала «Slavische Rundschau» (Славянский журнал — издавался в Праге с 1929 по 1940 г.).

⁶⁶ «Sur la phonologie de la phrase» (TCLP. IV. С. 188–227).

не отвлечённые рассуждения, а конкретное приложение твоих принципов к описанию русского языкового материала. Приналяг и в течение ближайших месяцев постарайся сделать. Это не пропадёт зря. Характерно: помнишь, как разводили скептицизм по адресу фонологии поляки на конференции. Это одна декорация. На будущей неделе в Варшаве состоится съезд польских лингвистов, посвящённый одной цели: фонология польского языка. На эту тему уже напечатана — пока в 70-ти экземплярах и на правах рукописи — работа Шобера⁶⁷. Она ляжет в основу обсуждения на съезде⁶⁸, в котором примут участие и Нич⁶⁹, и Лер⁷⁰, и Дорошевский, и Улашин. Неужели не выпустим к осени русской фонологии?

Перехожу к более грустной главе: твоим денежным делам. Пошёл сегодня же к Матезиусу, но не застал его. В самом ближайшем будущем буду с ним серьёзно говорить. Впрочем, надежд мало. Матезиус, конечно, приложит все усилия, но положение очень неблагоприятное. И в министерствах, и в хозяйстве и т. д. Всяческая помощь, поддержки, субсидии в спешном порядке свёртываются; не знаю, выгорит ли что. Во всяком случае, сообщи мне точные данные по следующим вопросам, ибо с чехами можно говорить только с цифрами в руках: 1) Получаешь ли ты в этом году что-либо от министерства просвещения и сколько; 2) Получаешь ли ты что-нибудь от Института, и если да, то из чьих это средств; 3) Сколько получаешь от университета; 4) Есть ли у тебя лично ещё какие-либо заработки; 5) Что делаешь для чешской пропаганды в Институте, и что в Университете в текущем году. Без данных по всем этим вопросам говорить успешно ни с кем невозможно.

Твои виды на Америку? Есть ли что-либо конкретное, и где? Сейпир⁷¹ в переписке с Трубецким и Матезиусом. Может быть, на него подействовать? Он фонолог, структуралист и т. д. Пошли ему свои работы на европейских языках. Сборник фонологической конференции⁷² выйдет в течение июня. Ведь это не шутка в такой короткий срок привести в надлежащий вид и отпечатать книгу в 400 страниц.

С[офья] Н[иколаевна] сейчас заменяет врача в Збраславе — до середины июня. Светлана учится, хочет перейти на архитектуру — внутреннее убранство квартир. И. Г.⁷³ уже месяц как в Мюнстере. Читает там русский язык и этнографию. Очень доволен, но с финансовой стороны положение всё ещё не оформилось. Расстраивает его и то, что семью снова отказались выпустить за границу.

Моё брненское дело всё ещё на точке замерзания. Авось к осени будет оттепель. К сожалению, встречаю куда меньше учёных, способных работать, нежели таких, которые способны без усталости интриговать и гадить.

Две просьбы, которые, пожалуйста, не забудь исполнить. Во-первых, необходимо послать приглашение на женевский съезд Поливанову. Он просит: это, может

⁶⁷ Stanisław Szober (1879–1938) — польский лингвист.

⁶⁸ На 2-м Международном конгрессе лингвистов в Женеве с 25 по 29 августа 1931 г.

⁶⁹ Kazimierz Nitsch (1874–1958) — польский славист.

⁷⁰ Tadeusz Lehr-Splawiński (1891–1965) — польский славист.

⁷¹ Edward Sapir (1884–1939) — американский лингвист и этнолог.

⁷² TCLP. IV.

⁷³ Кто скрывается за инициалами И. Г., установить не удалось.

быть, даст ему возможность попасть за границу. Его сейчас очень теснят. Адрес: Самарканд Узбекский Гос. Научно-исследовательский Институт, Зерабулакская, 4. Проф. Евгению Дмитриевичу Поливанову.

Во-вторых, рекомендую послать дополнительно приглашение авторитетнейшей словацкой культурно-просветительной организации — *Matica Slovenská, Turčiansky sv. Martin*.

Матица руководит работой по составлению словацкого словаря, по реформе орфографии и по подготовке словацкого языкового атласа. Она имеет в виду, если получит приглашение, делегировать д-ра Станислава, молодого словацкого диалектолога, ученика Вейнгарта⁷⁴.

Не забудь.

Сердечный привет Евгении Евгеньевне.

Твой Р. Якобсон

[Я10]

04.07.31

Дорогой Сергей Иосифович.

Несколько раз подробно говорил о тебе с Матезиусом. Здесь сейчас положение таково, что добиться ничего невозможно. Например, моё дело основательно село на мель. Матезиус приветствует ориентацию на Америку и написал о тебе так называемому Сейпиру, который на деле зовёт себя, оказывается, Сапир, и ещё каким-то американским профессорам. Я дал ему биографические материалы.

Оттиски и сборник на днях получишь. Твоё исправление уже трудно было внести, но, по-моему, это не так существенно, и коротким исправлением ты бы только запутал дело. В триптихе оговорим всё это. Я снова перечитал твою статью, по-моему, дать краткое описание фонологии русской фразы тебе совсем нетрудно. Несколько описательных тезисов с примерами. Главное — дать чёткую схему, вот и всё. Кстати: не думаешь ли ты, что немецкое эпидемическое «нихт?», французское «нэс па», чешское «же йо», и т. п. отражают характерную тенденцию диалогической речи к подчёркнутой установке на диалогичность. То-есть, говорящий стремится избежать каденций, в твоём смысле слова, напоминает, что «продолжение следует». Это занятное явление. Не помню, писал ли я тебе, что, по-моему, твоя работа в приложении к анализу стиха открывает очень широкие и совершенно неожиданные горизонты. Когда приеду в Женеву, поговорим об этом. Постарайся к этому времени хотя бы набросать вчерне твою часть триптиха. Уговариваю Н.С.⁷⁵ приехать в Женеву дня за два до конгресса: мы бы втрём прочли и обсудили весь триптих в его основных чертах. Посылаю тебе мои заметки по словацкой фонологии. Вышла фонология польского языка Шобера, печатается фонология кельтских говоров Сомерфелта, вообще фонология стала социальным фактом.

---

⁷⁴ Miloš Weingart (1890–1939) — чешский славист.

⁷⁵ Трубецкого.

Строго конфиденциально: Доминуа⁷⁶ пишет рецензию на переработанную чешскую грамматику Мазона⁷⁷. Мы дали ему кой-какие материалы. Разумеется, анонимно. Не мог ли бы и ты прислать мне, а я ему передам твои замечания о недостатках в учении Мазона о глаголе? Если нетрудно, непременно сделай это, хотя бы в нескольких словах.

С[офия] Н[иколаевна] уже в деревне. Я тоже сегодня еду. Светлана пока остаётся в Праге. Она всё ещё не может решить вопрос, куда переходить, если переходить. В школе ею очень довольны. Она школой менее.

Сердечный привет Евгении Евгеньевне.

Твой Р. Якобсон

[Я11]

1.VIII.31.

Дорогой Сергей Иосифович.

Спасибо за приглашение. Воспользуемся. Приедем с Софьей Николаевной дня за 3–4 до съезда. Написал ли ты Трубецкому о его устройстве в Женеве?

Продолжаю работать над русской фонологией. Кажется, основные черты выясняются. В связи с этой работой перечитываю твою французскую книгу и русский учебник⁷⁸, и всё более и более восхищаюсь. Местами, без преувеличений — гениально. Если бы ты развернул мысли, заключённые во вступительной статье французской книги⁷⁹. Твой этюд о словопроизводстве⁸⁰, по-моему, следует отпечатать отдельно в качестве V выпуска «Траво». Ведь будет в нём меньше 50–60 страниц, а на большой выпуск у нас сейчас и денег не будет. Я решительно за это, Гавранек⁸¹ тоже, остальных нет в Праге, но думаю, что возражений, конечно, не будет. Уговариваю Трубецкого приехать дня за два, за три до съезда в Женеву, чтобы мы могли втроём на досуге обсудить триптих. Твоя фонология фразы там непременно нужна. Напиши, брать ли с собой смокинг, ужасно не хочется тащить. Я надеюсь, что нам удастся после конгресса съездить во Францию, хотя денег всё ещё нет.

Мы в деревне. Я приехал только по паспортным делам. Светлана загорела и расцвела.

⁷⁶ Fuscien Dominois (1888–1938) — французский специалист по Чехословакии.

⁷⁷ André Mazon (1881–1967) — французский славист, автор «Grammaire tchèque» (Грамматика чешского языка).

⁷⁸ «Système du verbe russe — Essai de linguistique synchronique» (Prague, 1927) (книга переиздана, см. [Karcevski 2004] и переведена на русский, см. [Карцевский 2004: 31–205]) и «Повторительный курс русского языка» (М., 1928) (переизданный, см. [Карцевский 2000: 97–204]).

⁷⁹ См. [Карцевский 2004: 39–69].

⁸⁰ «De la structure du substantif russe» (О структуре русского существительного) (Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario a discipulis et Circuli linguistici pragensis sodalibus oblata. Prague, 1932. P. 65–73) (издано в переводе, см. [Карцевский 2000: 59–69]).

⁸¹ Bohuslav Havránek (1893–1978) — чешский лингвист, славист, один из основателей Пражского лингвистического кружка.

Сердечный привет Евгении Евгеньевне. Ещё раз спасибо обоим за приглашение. Не забудь написать насчёт смокинга, подумай о фонологии фразы, чтобы мы могли на заседании славистической комиссии в Женеве вкратце, совсем вкратце, изложить план нашей совместной работы.

Сердечный привет Евгении Евгеньевне.

Твой Р. Якобсон

С. Карцевский — Р. Якобсону [К1]

Источник: MIT MC0072, box 123, Folder 66⁸²

[на бланке: Institut d'études slaves / Directeur: M. S. Karcevski / Chargé de Cours à l'Université / 11, rue Émile-Yung, 11 / Genève, написанное от руки]

27 декабря 1931 г.

Дорогой Роман Иосифович,

Ты занимался былинным стихом, а сверх того слышал и сказителей. Скажи мне, чего стоят следующие соображения, которые только что пришли мне в голову. Вот они —

Каждая былинная строка = *интонационно фразе*. Она распадается на «*ascendante*» и «*descendante*», в каждой из которых имеется ещё *вторичное* ударение, потенциально свойственное каждому *membre de phrase*. Особенно интересно вторичное ударение в *descendante*: оно на последнем слоге, т. е. использует *cadence* как ритмическую границу, а не как доподлинный «*finis*». — *Ascendante* имеет вторичное ударение в начале (2-й–3-й слог) и таким образом косвенно отмечается и начало «строки-фразы» (тогда как разговорная фраза возникает *ex nihilo*). Вершиной обе строки-фразы сближены, насколько возможно (расстояние 1–2 слога). — Таким образом для ритмической структуры строки использована фразовая интонационная структура. Установка на фразу как интонационное целое. Каждая строка = строфе, т. е. строф нет, «моностих». Можно нанизывать таких строк сколько угодно. Подлинная *cadence* будет связана со *смысловой* концовкой: «Тут ему и славу поют», etc. — Сравни напротив в Песне о купце Калашникове, там строки не образуют фраз, т. к. грамматически-смысловое единство больше строки: «фраза» включает несколько строк. Но *enjambements* всё так же невозможны, т. к. получилось бы нарушение речевой интонации, на которую делается установка. — Как рассказывают сказители? Где делают они полную *cadence*? — Длина стиха, т. е. строки, зависит от этих четырёх ударений. Чистый тип: *четыре полнозначных слова*. Наиболее частный: в *ascendante* два слова, в *descendante* — одно с двумя ударениями. На неполнозначных словах обыкновенно ударений нет, и их я здесь в счёт не принимаю. Стих может раздвигаться как гармоника. —

Вот и всё, что мелькнуло у меня в голове. Что ты об этом думаешь? Мне кажется, что мысль об использовании структуры фразы для структуры стиха может

---

⁸² Это письмо было частично опубликовано, см. [Трубецкой 2004: 267].

пригодиться. Укладывание стиха в четыре полнозначных слова (в идеале!) тоже не плохо, т. к. ведёт к некоторым размышлениям и насчёт *выбора* слов и их *размещения*, и разных clichés, etc, etc*. Преодоление фразной cadence в каждой строке делает строки ритмически *однозначными* (моностих); стало быть, необходимо дать концовку смысловую и, может быть, и зачин смысловой. Архитектоника каждой песни тем предопределяется в своих общих, грубых чертах.

Что у тебя нового? Светлана пишет, что переезжает Вы в Брно? Счастливого пути! Пиши.

Шлём всем поздравления с Новым Годом. Почему Богатырёв⁸³ никогда не напишет мне? Я же не знаю его адрес.

Жму руку

СК.

[Другим почерком:]

Дай Бог Вам здоровья и успеха в Новом Году.

[Я12]

6.IV.32

Дорогой Сергей Иосифович.

Страшно долго не писал тебе, потому что был всё время в бивуачном состоянии: переезд в Брно, хлопотня по бесчисленным делам и т. д. Переезд закончился, безнадежность моих дел стабилизировалась, у Софьи Николаевны как будто налаживается работа, словом можно перейти к очередным делам. Вчера видел Светлану, она довольна жизнью у Матезиовой, увлечена работой, надеется по окончании школы устроиться, настроена бодро, выглядит хорошо.

Ты прислал мне очень интересное письмо об интонациях былинного стиха. В течение осенних месяцев я набросал фонологию русского стиха, где, исходя из твоей работы о фонологии фразы, анализирую соотношения структуры стиха с фразной фонологией. Я надеюсь ещё весною закончить эти наброски и переписать их, пошлю их тогда тебе, ты найдёшь там ответ на вопросы, поставленные в письме.

Сейчас посылаю тебе заметку о структуре русского глагола, которую в сокращённом виде рассчитываю напечатать в сборнике в честь Матезиуса. Очень жду твоих замечаний. Вопросы структурной морфологии меня сейчас особенно интересуют. Это трудная область. Пожалуйста, напиши не откладывая.

Ты не ответил на приглашение принять участие в сборнике в честь пятидесятилетия Матезиуса⁸⁴. Непременно пришли статью — не больше пяти страниц — лучше

* Грамматически тоже: подчинение невозможно, так как нарушает автономность строки-строфы, отсюда «герпизе», параллелизм, etc.

⁸³ П. Г. Богатырев тогда работал сотрудником советского полпредства в Чехословакии.

⁸⁴ Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario a discipulis et Circuli linguistici pragensis sodalibus oblata. Prague, 1932. 147 с.

всего по-французски, не позднее начала мая. Сообщи мне, на какую тему будет статья⁸⁵.

Страшно жалею, что ты отказался участвовать в нашей работе по фонологии русского языка.

Вокруг грустно. Всюду безнадежно ухудшается положение, картина нудного разложения, медленного вялого развала. Положение науки всё ухудшается, медленно сходит на нет научно-издательская работа и т. д.

Сердечный привет Евгении Евгеньевне.

Твой Р. Якобсон

[Я13]

22.IV.32

Дорогой Сергей Иосифович.

Не сердись на меня, что я стал таким неаккуратным корреспондентом. У меня сейчас столько всяких мелких, средних и крупных неприятностей и хлопот, и столько всяческих мелких, средних и крупных обязательств, что просто не остаётся времени. Спешу ответить на твои вопросы. Все здешние научные издательства, предприятия и т. д. последовательно свёртываются. У Лингвистического кружка есть только долги: весь его капитал. Сборник в честь Матезиуса мы печатаем в долг в государственной типографии. Кто будет его оплачивать, неизвестно. Приучаю чешских лингвистов к авантюризму. Удастся ли мне убедить на таких же началах напечатать V выпуск «Траво», т. е. наш «триптих», не знаю, Николай Сергеевич собирался в течение весны свою часть окончательно доработать. Но он заболел — сперва была грудная жаба, теперь видимо воспаление лёгких, боюсь за него, но надеюсь, всё обойдётся хорошо. Я, поскольку вообще работал, отвлёкся немного в сторону — занимался морфологией, вопросами культуры чешского языка, сербским стихом и т. п. Но всё-таки значительная часть моего задания в русской фонологии сделана и в течение лета кончу остальное. Напиши мне, можешь ли ты выполнить свою часть? Ты писал уклончиво, а между тем от этого многое зависит. Если ответишь да, обязуюсь, во-первых, послать тебе обещанные номера русского языка в совшколе, со статьями об интерпункции; во-вторых, обязуюсь обстоятельно отвечать на все твои фонологические вопросы. Пришли поскорее статью для сборника Матезиуса — по-французски. Жду с интересом твоей грамматики, но с трудом представляю себе, где её сейчас можно напечатать.

Славянскому Институту страшно урезали ассигновку, так что много экземпляров он бы у тебя не взял, думаю, максимум 20, да и то не уверен. Выбран ты в Институт на основании предложения, поданного Гавранком и мною. Вообще здесь в связи с кризисом сильное уныние, особенно среди русских. Туго приходится

---

⁸⁵ Это будет «De la structure du substantif russe» (О структуре русского существительного), см. Я11.

Гессену⁸⁶. Кружковцы стараются не унывать, но что-то хворать стали. Серьёзные сердечные осложнения у Вейнгарта и у Матезиуса. Но об этом не болтай. Журнал План⁸⁷ проглядываю с любопытством. Спасибо за замечания к моей статье⁸⁸. Воспользуюсь. Я уже её сильно переделал. Когда будет в мае сдана в набор окончательная редакция, я пошлю тебе копию. О структуре слов сорви-голова и т. д. не могу тебе написать ничего определённого. Видел об этом замечания в синтаксисе Шахматова?

Сердечный привет Евгении Евгеньевне.

Светлану в этот короткий пражский приезд я не видал, но говорят, что она в прекрасном настроении, успешно и энергично работает и т. д.

Твой Р. Якобсон

[Я14]

17.XI.32

Дорогой Сергей Иосифович.

Не сердись, что не пишу тебе. Я совсем замотался и страшно запустил корреспонденцию. Кризис здесь всё обостряется. С ним растут интриги. Надежд на подтверждение профессором очень мало. Вообще академических перспектив, собственно говоря, нет. Это касается не только меня. Практика у С. Н.⁸⁹ развивается, но всё время под угрозой новых ограничений для иностранцев. Стараюсь, наряду с халтурой, делать научную работу. Сейчас пишу для сборника Милетича⁹⁰ статью о болгарском стихе. Послал в Голландию статью о сербском эпическом стихе и собираюсь заканчивать мою часть триптиха. Каких указаний ты ждёшь от нас? Если у тебя есть время и некоторая возможность, набросай фразную фонологию, а потом постараемся координировать. Я убеждён, что серьёзных расхождений не будет. Если всё же хочешь от меня и Трубецкого указаний, то напиши точно, по каким вопросам. Надеюсь, ты уже получил сборник в честь Матезиуса, а также наш чешский сборник — Культура языка. Твои отписки я оплатил и посылаю тебе одновременно с этим письмом. Как тебе нравится моя статья о глаголе? Матезиус очень болен (воспаление позвоночника) и надолго вычеркнут из научной жизни. Гвоздь сезона: наш поход против пуристов. Вокруг этой кампании много споров и шуму. Что касается твоих вопросов о возможностях печатания здесь (книга Бальи и т. д.), то ты себе не представляешь размеров кризиса и катастрофы научно-издательского дела. Лингвистический кружок просил меня обратить твоё внимание на то обстоятельство, что на международном лингвистическом съезде, который

⁸⁶ Сергей Иосифович Гессен (1887–1950) — русский философ, публицист. Соиздатель с Карцевским журнала «Русская школа за рубежом» с 1923 по 1928 г.

⁸⁷ Не удалось установить, о каком именно журнале идет речь.

⁸⁸ «Zur Struktur des russischen Verbums» выйдет в сборнике Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario a discipulis et Circuli linguistici pragensis sodalibus oblata. Prague, 1932. P. 74–84.

⁸⁹ Трубецкого.

⁹⁰ Любомир Милетич (1863–1937) — болгарский филолог.

состоится в Риме в сентябре, будет рассматриваться вопрос о знаках препинания и возможностях унификации принципов интерпункции в культурных языках. Если бы ты мог прислать кружку твои соображения по этому вопросу, мы обсудили бы их и уполномочили бы тебя выступить с соответствующим докладом на съезде от имени кружка. Ты наиболее компетентный языковед по вопросам о соотношении между интерпункцией с одной стороны и, примерно, немецкой, французской, английской, русской, пожалуй, чешской фонологией, синтаксисом, а также логикой с другой. Я постараюсь раздобыть в славянской библиотеке номера русского языка в совшколе, где трактуется вопрос о реформе интерпункции. Берёшься?

Светлану видел третьего дня. Она много и успешно работает. Твои статьи в *Эвей*⁹¹ прочёл с живейшим интересом. Евгении Евгеньевне сердечный привет и пожелание полного выздоровления.

Твой Р. Якобсон

[Далее следуют письма на обыкновенной бумаге, написанные от руки]

[Я15]

12.VIII[.33]

Дорогой Сергей Иосифович,

Отвечаю с опозданием, потому что у меня была сумасшедше занятая весна: двойная порция лекций, срочные статьи, халтура для покрытия долгов, лекции в софийском университете (в июне) и т. д. Теперь отдыхаю в болгарской деревне. В Брно вернусь в конце июля.

Отвечаю по порядку.

Дурново в ссылке, Поливанов также. Вообще переписка с тамошними учёными в настоящих условиях почти невозможна. Ты наивно себе представляешь причины травли против Пешковского. Твоя книга сейчас вовсе не к двору, там просто и в грамматике, и в других научных областях откровенный консерватизм, тяга к старинке, требования правоверного историзма, ненависть к теории; «есть» — глагол 3 лица, — синхрония отвергается и т. д. Наконец не приняли бы книгу заграничника, а если бы и приняли, гонорар за границу ни под каким видом не посылают.

Решительно не согласен ни с твоим атомистическим толкованием генитива, ни с обвинением моей работы о падежах⁹² в «механистическом уклоне». Думаю, что это наоборот подступ к диалектической интерпретации языка, равно как и фонология. А твоей статьи о падежах жду, разумеется с живейшим интересом. Жаль, что время для научной работы мало приспособлено. Сейчас, поскольку есть время, вгрызаюсь в систему глагольных и местоимённых категорий.

⁹¹ Не удалось точно установить, о каком журнале (или сборнике статей) упоминает Р. О. Якобсон. Не исключено, что имеется в виду французский журнал *L'Éveil* (название которого может быть переведено как «Пробуждение» или «Рассвет»).

⁹² Вероятно, речь идет о статье «*Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre, Gesamtbedeutungen der russischen Kasus*», которая выйдет в 1936 г. (TCLP. VI. С. 240–288).

Сердечный привет Евгении Евгеньевне и, если будешь писать, Светлане. Жалею, что не удалось нам в своё время убедить остаться в Чехословакии. Крепко жму руку.
Твой Р. Якобсон

[Я16]

12.XI.33

Дорогой Сергей Иосифович,

Не сердись, друг мой, что так долго не писал тебе. Я свёл было на нет всю свою переписку. Настроение было неэпистолярное. Судьба моя терпела (если суждено нам с тобой *v dohledné době*⁹³ встретиться, расскажу, писать об этих делах нет охоты), моё назначение так и не состоялось, и читаю курс в качестве бесплатного приват-доцента. Происки врагов, умело использовавших кризис, — детективный роман, да нет — в 100 раз гаже, а кризис усиливается, доходы сокращаются, а тут ещё в связи с немецкими событиями все родные растеряли заработки, родители переехали ко мне, один брат силится найти заработок в Лондоне и т.д. Как видишь, весёлого мало. Бросим об этом.

Прежде всего, Вас обоих поздравляю; думаю, что всё, что делает Светлана, к лучшему. В одиночестве ей бы было психологически слишком тяжело. Она очень повзрослела, встала на ноги, проще смотрит на жизнь, — от всей души желаю им обоим устроиться в Америке.

Твои вопросы, можно ли здесь продать грамматику и т.д., показывают мне, что ты не совсем ясно себе представляешь или — точнее — совсем не представляешь, насколько ухудшилось экономическое положение в Средней Европе. Здесь сейчас ни на какие научные предприятия денег получить нельзя.

Лингвистический кружок печатает в долг и т.д. Сейчас печатается 2ая часть нашей коллективной *Description phonologique du russe moderne* — Морфонология Трубецкого⁹⁴. Он послал тебе корректуру, почему ты не откликнулся, не послал замечаний?? Заканчивается моя часть — общая фонология слова. Весной надо сдать в печать 3^{ья} часть — синтаксическую фонологию (твоя работа — фонология русской фразы и статья Трубецкого о фонологии синтагмы, т.е. о фонологических средствах, выделяющих слово в словосочетании). Твоя часть (пиши как хочешь — по-русски или по-французски) будет, по-моему, не так уж велика и не может отнять у тебя много времени. Она должна трактовать о паузах, *cadence*, *mi-cadence*, *anti-cadence*, *inclusive*⁹⁵, и т.д., о фразном ударении, т.е. иерархии ударений, разлагающейся на пары *déterminant* — *déterminé*⁹⁶, и об отношении русской интерпункции и фонологии фразы. В связи с последним отделом я готов послать тебе, как только мне напишешь, 3 номера Русского языка в советской школе с дискуссией

⁹³ Скоро (чешск.)

⁹⁴ Выйдет в 1934 г.: TCLP v₂ — *Description phonologique du russe moderne* — Deuxième partie — N. Trubetzkoy: *Das morphologische System der russischen Sprache* (Морфонологическая система русского языка). Prague, 1934. P. 94.

⁹⁵ Каденция, полу-каденция, анти-каденция, включение (франц.).

⁹⁶ Определяющее — определяемое (франц.).

о знаках препинания и принципиальную брошюру, несколько напутавшего шведа Линдрота⁹⁷ об интерпункции. Срочно напиши о себе, об Евгении Евгеньевне, которой сердечно кланяюсь, и о том, когда рассчитываешь сдать нам эту работу, которая немедленно пойдёт в набор. Не подводи! Крепко жму руку и обнимаю.

Твой Р. Якобсон
Brno, Wawirova 67

Р. С. О Риме⁹⁸ ты наверное уже слышал подробно от Сешеэ. Приветы ему и Bally. Конгресс был жидковат, а Италия замечательна и отдохновенна.

[Я17]

[1935 г.]

Дорогой Сергей Иосифович,

Пришли, пожалуйста, *короткую* заметку о чествовании Bally⁹⁹ и твоём выступлении для журнала Slovo a slovestnost, который ты уже, наверное, получил, а если АЧ(?)¹⁰⁰ не получил, черкни Prof. Havránkovi, Brno Universiteta (fil. fak?). Равно пришли мне для печатных протоколов Кружка *краткое* резюме твоего доклада о реформе русской орфографии¹⁰¹. Что с твоей русской грамматикой? И вообще, что делаешь? В кружке работа оживлённая, много докладов и много возни с журналом, опытом практической и плановой постановки вопросов языковой культуры. У меня лично мало нового. Хотелось бы попасть на лондонский школьный фонетический и фонологический съезд¹⁰². Удастся ли, ещё не знаю. Пишу главным образом на местные темы, но задумываюсь и о темах <...>

[Я18]

(Brno, 2.VII.36)

Дорогой Сергей [Сергеевич <зачеркнуто>] Иосифович,

Бессовестно долго не писал тебе и Евгении Евгеньевне, хотя вспоминаю вас обоих очень часто и при встречах почти ежедневных с Софией Николаевной, с которой у нас по-прежнему крепкая дружба, и при недавних беседах с Николаем Сергеевичем¹⁰³, который приезжал в гости. Я не писал в этом году никому, исключительно потому что затянула многослойная работа, преподавание, к которому я только теперь стал привыкать, я ведь никогда не учил, и разнотемная своя на-

⁹⁷ Lindroth — финский лингвист.

⁹⁸ В Риме состоялся 3-й Международный конгресс лингвистов (с 19 по 26 сентября 1933 г.).

⁹⁹ На 70-летие Шарля Балли (1865–1947).

¹⁰⁰ В рукописи не вполне очевидно, написано АЧ или АУ. Также не удалось установить, о ком идет речь.

¹⁰¹ Это выступление — «Réforme de l'orthographe russe» (О реформе русской орфографии) состоялось 6/X-1934 (см. Т5).

¹⁰² 2-й Международный конгресс по фонетическим наукам (Лондон, 22–26 июля 1935 г.)

¹⁰³ Трубецким.

учная работа, и наконец всяческая организационная работа, приходилось спасать Кружок и жестоко отбиваться от махровых мракобесов à la Weingart. Но, не сглазить, жаловаться не могу, Кружок крепок и готовится к празднованию (осенью) 10-ой годовщины (помнишь организацию собрания у Матезиуса — ты, Трнка, Гавранек, я — 10 лет т. н.!). университетскими учениками я доволен, они кажутся мною, а о своих работах напишу тебе особо, скоро, сейчас бьюсь, кажется успешно, над общими значениями русских падежей. Личная жизнь тоже сложилась хорошо. Очень хотелось бы с Вами обоими повидаться, но где, когда? Напишите о себе, Светлане, Игоре, планах, готовом и задуманном. Я бы в Рим заглянул, если бы не связывало по рукам и ногам безденежье, всё лето будем в Брне, только, может быть, поеду на лингвистический съезд в Копенгаген¹⁰⁴, если дадут на это денег.

Сейчас у меня к тебе срочное дело: обстоятельства сложились так, что можно на выгодных условиях издать твою русскую грамматику *по-чешски* в чешском государственном издательстве. Срочно сообщи, когда можешь прислать рукопись для перевода и приспособления к чешским языковым навыкам. Есть у Гавранека и у меня ученик, который с этой работой справится, прилично владеет и русским и французским и превосходно знает твои работы. Пришли мне доверенность для ведения переговоров и заключения договора с издательством. Надо ковать железо, пока горячо (здесьняя дружба с Москвой, и моя со здесьним государственным издательством).

Обоих Вас крепко обнимаю.

Ваш Роман Якобсон
Brno, Barviče 27

P.S. Соня всё собирается написать, на днях напишет, она очень счастлива, но здорово устала от работы и собирается на 3 недели в Югославию.

[Я19]

27 IV 37

Дорогой Сергей Иосифович,

Жду с нетерпением твоей статьи о падежах. Куда предполагаешь дать её? Я сейчас поглощён вопросами сравнительной метрики и фонологии, но в минуты досуга думаю о структуре глагола и думаю в недалёком будущем засесть за эти проблемы. Ты спрашиваешь о Н. Н-че¹⁰⁵. Разве ты не знаешь, что он уже годы в заключении. Вообще переписываться с тамошними сейчас трудненько. Очень хотелось бы с Вами обоими свидеться, но когда и где? Напиши подробней о себе, Евгении Евгеньевне, Светлане, от которой ни у Сони, ни у меня никаких вестей уже давно, и о том, что делаешь и что подумал и придумал. Очень жалел, что тебя не было на съезде лингвистов в Копенгагене. Это был на редкость удачный съезд.

Неизменно твой Р. Якобсон

¹⁰⁴ 4-й Международный конгресс лингвистов проходил в Копенгагене 25 августа — 1 сентября 1936 г.

¹⁰⁵ Н. Н. Дурново.

25 IV 37
 Дорогой Сергей Иосифович,
 пишу с нескрываемым твоим статеем о надеждах. Куда пред-
 полагаешь дать ее? Я сейчас решаю вопросы сред-
 нителной метрики и фонологии, но в минуты досуга
 думаю о структуре языка и думаю в недалёком
 будущем засесть за эти проблемы. Ты спраши-
 ваешь о Н.С. Равке ты не знаешь, что он уже год в
 заключении. Вообще переписывать сталинскими сейчас
 трудно. Очень хотелось бы с Вами обоим
 свидеться, но куда и где? Напиши подробнее о себе,
 Эв.Эв., Светлане, от которой мы у Сам.Т. мы у меня
 никаких вестей уже давно, и о том, что делаешь и
 что надумал и придумал. Очень жалею, что тебя
 не было на съезде лингв. в Копенгагене. Это был
 на редкость удачный съезд. Очень жалею твой
 Р. Л. 1937

Я19 — открытка от Р.О. Якобсона от 27/IV-1937 г. (AAP/2012/16/14/1)

[Я20]

Дорогой Сергей Иосифович,

Всё не могу принять к сведению утрату Николая Сергеевича¹⁰⁶ навсегда. Я привык писать для него, придумывать для него. Невероятная тоска и одиночество. Ты где-то в недоступной дали, российские лингвисты за китайской стеной, ни слуху, ни духу. Ещё в дни Гааги и Женевы¹⁰⁷ казалось, как блестяще может развернуться русская лингвистика, такая спаянная единой закваской и ударная. Враждебность обстановки оказалась сильнее нас. Николай Сергеевич в могиле, Поливанов и Дурново в тюрьме. Дорогой друг, есть ещё порох в пороховнице: пока мы не сломлены и живы, мы должны работать до потери сил над фундаментом структуральной лингвистики, который западным работникам не по силам. Николай Сергеевич в нас обоих верил.

О его последних месяцах строго доверительно, чтоб не повредить семье и не лишиться её и без того тощей пенсии. При его болезни (грудная жаба) ему нужно было прежде всего спокойствие, а он тяжело переживал агонию Австрии; как раз в дни этой агонии слёг в больницу, в страшном угнетённом состоянии наблюдал

¹⁰⁶ Н.С. Трубецкой скончался 25 июня 1938 г.

¹⁰⁷ 1-й и 2-й Международные конгрессы лингвистов в 1928 (Гаага) и 1931 гг. (Женева).

оттуда за той свистопляской варварства, которая охватила Вену. Он ещё недавно открыто говорил, да и писал против идеологии нацизма, режим это помнил, в день его возвращения домой из больницы гестапо провело у него дома суровый обыск и допрос, отобрало его переписку, список адресов его друзей, архив фонологической ассоциации и т. д. Результатом было два тяжёлых сердечных припадка. Лечение пошло на смарку. Начавшийся разгром университета, перспектива увольнения на пенсию и плачевное положение детей его мучили. Он вернулся в больницу, всё слабел и скончался внезапно от разрыва сердца, как в 1905 г. его отец, ужаснувшийся перед упрямой слепотой режима.

Первый объёмистый том Основ фонологии почти дописан (оставалось страниц 20), и Кружок его осенью издаст¹⁰⁸. Рукописное наследие Николая Сергеевича очень богато, и, если удастся своевременно и с толком издать его, научный свет впервые увидит Трубецкого во весь рост.хлопот в связи с этим много при нынешней стене между нами и Веной, сам понимаешь! Фонологический том Travaux¹⁰⁹, о котором я тебе писал будет посвящён памяти Николая Сергеевича. Надеюсь на твою статью¹¹⁰. Пришли до середины сентября. Думаю, что по материалу для тебя будет интересна работа Травничка, ставящая при всём своём атомизме именно вопрос о связи междометий и союзов (*Trávniček F. Neslovesné věty v češtině. I, Věty interjekční // Spisy fil. fak. Masarykovy univ. v Brně. 1930. Č. 1*).

Если её нет в Женеве, черкни — я раздобуду её для тебя в нашем университете. О своих ты написал сбивчиво мимоходом. Что было со Светланой? Почему она в Женеве? Где её муж? Как здоровье Евгении Евгеньевны, которой (равно как и Светлане) горячо жму руку? Что Игорь?

Я обещал Николаю Сергеевичу не сдрейфить нынешний фонетический съезд в Генте¹¹¹. В воскресенье лечу туда (ехать не могу). На днях вернусь. Пиши! Вспоминаю безмятежные дни, точнее ночи пражского этнографического съезда, когда ты, Николай Сергеевич и я бродили сонным городом, и слёзы навёртываются на глаза. Злое и бессмысленное время!

Показал тебе Séchehayе мою статью¹¹² для сборника Bally? Как он к ней отнёсся? *А у тебя нет ли замечаний?* В Генте читаю доклад о фонологической систематике согласных¹¹³, конспект большой, ещё только скроенной работы, кото-

¹⁰⁸ «Grundzüge der Phonologie» (TCLP. VII. Prague, 1939. 271 с.).

¹⁰⁹ Études phonologiques dédiées à la mémoire de M. le Prince N.S. Trubetzkoy. Publiées avec l'appui de l'Institutet for sammenlignende kulturforskning et du Ministère de l'instruction publique à Prague // TCLP. VIII, Prague, 1939. 345 с.

¹¹⁰ Среди авторов тома фамилии Карцевского нет. Но в архиве, хранящемся в ИРЯ (фонд 16), найдена рукопись статьи, посвященной памяти Н. С. Трубецкого, и датированной IX.40: «Les Quatre plans sémiologiques de la phrase» (Четыре семиологических плана языка), см. [Karcevski 2000: 256–259].

¹¹¹ 3-й Международный Конгресс по фонетическим наукам состоялся в Генте с 18 по 22 июля 1938 г.

¹¹² «Signe zéro» (Нулевой знак). С. 143–152.

¹¹³ «Observations sur le classement phonologique des consonnes» (Заметки о фонологической классификации согласных) // Proceedings of the 3rd International Congress of Phonetic Sciences. Gand, 1939.

рую считаю своей лучшей. Основная мысль — последовательно дихотомическое строение фонологической системы, которая *целиком* сводится к нескольким дифференциальным свойствам, образующим бинарные противопоставления. Словом, до логического конца додуманное сосюрианство.

Обнимаю.

Твой Р. Якобсон
14 VII [- 38¹¹⁴]

Письма от Н. С. Трубецкого

Источник: ААР/2012/16/15/1-2

[T1]

7 апреля 1931

Дорогой Сергей Осипович!

Относительно доклада о евразийстве мне пока трудно дать определённый ответ. Признаться, я на эту тему сейчас мало думаю. Впрочем, времени ещё очень много, и загадывать ещё рано. Так что позвольте окончательно ответить на этот вопрос по позже.

Свидетельство до конгресса¹¹⁵ нам будет трудно. Мои финансы не позволяют думать о далёкой поездке. На конгресс я приеду. На это я надеюсь получить деньги из своего министерства. Но на то, чтобы провести несколько недель за границей, у меня денег не хватит.

Ваш ответ на 3-й пункт анкеты¹¹⁶ я прочёл внимательно (во второй редакции) и расхождения никакого не нашёл. Вы признаёте правомерность фонологии морфологического плана, — а это и есть морфонология. Работая над русской морфонологией, я пришёл к выводу, что существуют определённые законы морфологического применения фонологических различий. Я делю альтернации на коррелятивные (когда чередуются коррелятивно-различные фонемы), дизъюнктивные (когда чередуются фонемы дизъюнктивно-различные) и альтернации выпадения (когда чередуются фонема и её отсутствие), при чём все три типа имеются как в вокализме, так и в консонантизме. Так вот оказывается, что альтернации дизъюнктивные (например, чередование *o~a*, *e~o*, *t~č*, *g~ž*, и т. д.) в русском языке допускаются только для последнего элемента морфемы (т. е. для конечной согласной или для гласной последнего слога многосложной морфемы), альтернации же коррелятивные (например, чередо-

---

¹¹⁴ Добавлено (кем?) красным карандашом.

¹¹⁵ Речь идет о 2-м Международном конгрессе лингвистов, который состоялся в Женеве с 25 по 29 августа 1931 г.

¹¹⁶ Вопрос был «Les systèmes phonologiques envisagés en eux-mêmes et dans leurs rapports avec la structure générale de la langue» (Фонологические системы, рассматриваемые сами по себе и в их отношении к общей структуре языка), ответ Карцевского опубликован в «Actes du IIe congrès international des Linguistes» (Paris, 1933. P. 114–116); текст переиздан нами, см. [Karcevski 2000, p. 9–11].

вание ударяемой и безударной гласной, твёрдой и мягкой согласной) — допускаются как для последнего, так и для первого элемента морфемы (например, начальной согласной или для гласной первого слога многосложной морфемы). К какой части грамматики или учения о русском языке этот закон относится? Ни к чистой фонологии, ни к чистой морфологии. Вот для таких-то явлений и нужна морфонология.

Что касается до русского ударения, то моя точка зрения — следующая. Корреляция интенсивности в русском языке существует, но «ударяемые» гласные являются не признаковыми, а беспризнаковыми членами этой корреляции. Поэтому, приходится говорить не о «ударяемых» и «неударяемых», а о «редуцированных» и «нередуцированных» слогах. В контексте речи нередуцированные гласные могут реализоваться как долгие и ударяемые, но это — вторичный, а не первичный признак. Между прочим, такое понимание русских просодических отношений хорошо объясняет русскую метрику, тот факт, что русские метрические схемы указывают только место неударяемых (= редуцированных) гласных: например, ямб — «стих, в котором все нечётные слоги редуцированы» (— почему, например, стих «и демоны глухонемые» может быть и четырёхстопным ямбом, и трёхстопным амфибрахием). Это конечно только в том случае, если признать, что «безударность» (точнее «редуцированность») для русского языкового сознания не отрицательный, а положительный признак.

Искренне уважающий Вас

Кн. Н. С. Трубецкой

[T2]

14.VI. 1931

Дорогой Сергей Осипович!

Мне ужасно совестно, что я так долго не отвечал на Ваше письмо. Хотелось ответить подробно по тем научным вопросам, которые Вы затронули. А времени не было. Вот я всё и откладывал. А теперь с ужасом вижу, что прошло уже больше месяца...

Лекцию о евразийстве прочту. Мне удобнее читать по-немецки, если позволите. Напишите, на сколько времени я могу рассчитывать. Тема обширная. Пожалуй, в один час не уложишь. Впрочем, постараюсь. Сообразите также, когда именно читать лекцию. Имейте в виду, что кроме заседаний конгресса, в Женеве придётся принять участие ещё в заседании нашего фонологического союза, далее славянской комиссии по обследованию «структуральной грамматики» славянских языков и в комиссии по составлению лингвистического атласа славянского мира (последнее предполагается устроить до начала конгресса).

Если я предпочитаю термины «редуцированные» и «нередуцированные» терминам «неударяемые» и «ударяемые», то исключительно потому, что для русского языкового сознания нормальным, «беспризнаковым» членом корреляции является ударяемая гласная: желая представить себе «гласную вообще» мы непременно представляем себе гласную ударяемую. А, раз она для нас нормальная, беспризнаковая, то и надо назвать её каким-то отрицательным термином. Психологическое содержание

этих понятий мне представляется таковым: нередуцированная гласная, это гласная «полная» обладающая всеми акустическими и артикуляционными признаками гласной (количеством, силой, качественной точностью и определённой звучностью) во всей их полноте; редуцированная же гласная это гласная неполная, приглушённая, обладающая теми же акустическими и артикуляционными признаками гласной лишь в урезанном виде. Степень этой урезанности, конечно, может быть различна (во-первых, в зависимости от положения по отношению к ударению, во-вторых в зависимости от темпа, эмоциональной окраски и проч.), но это явления внефонологические. Фонологическим остаётся только основное противопоставление гласных «неурезанного свойства» гласным «урезанного свойства». Гласных фонем неурезанного свойства в русском языке пять. Гласных же фонем урезанного свойства — три, всего три. Все остальные фонетические варианты. Так *ă* встречается только в начале слова, после гласной и в непосредственно предударном слоге после парнотвёрдых согласных (и после *ц*), а *ǣ* («ѣ») как раз в этих положениях не встречается, зато встречается во всех других: следовательно *ə* и *a* комбинаторные (обусловленные положением) варианты одной фонемы и т.д. Такие случаи, как *šťānam* ~ *štǣ nam* («штанам ~ что нам»), где *ā* и *ǣ* как будто оказываются в одном и том же положении, конечно, не противоречат правилу, ибо правила фонетической реализации безударных фонем действуют только в пределах словесных единиц, союзы же в русском языке являются хотя и безударными, но всё же всегда автономными словесными единицами. Точно также обстоит дело в случаях вроде *īzǣbrǣz'it'* ~ *īzǣbrǣzof* («изобразить ~ из образов»). Во всех этих случаях различие фонетической реализации фонемы *ǣ* то в виде *a*, то в виде *ə* служит средством для обозначения границ словесной единицы. Иначе говоря, различие между *ə* и *a* в таких случаях (т.е. в таких как «что нам» ~ «штанам», «изобра[зить]» ~ «из обра[зов]») внешне обусловлено положением словесной границы, а, следовательно, это есть различие не двух фонем, а двух комбинаторных вариантов одной фонемы. — Что касается до взаимоотношений между системой ударяемых и неударяемых гласных, то, мне кажется, здесь надо различать две точки зрения: просто-фонологическую и морфонологическую. С просто-фонологической точки зрения имеются три пары фонем *u~ǔ*, *a~ǣ*, *i~ĩ* объединяемые в архифонемы *U*, *A*, *I*, и, кроме того две одиночные фонемы *o*, *e* известные лишь в ударяемом виде и не имеющие при себе неударяемых эквивалентов. С точки же зрения морфонологической существуют альтернативы, а) чисто динамические (силовые) *a~ǣ*, *u~ǔ*, *i~ĩ* и б) качественно-силовые *o~ǣ*, *e~ĩ* (а после мягких также *o~ĩ*, *a~ĩ*), объединяемые в морфемы *U*, *O*, *A*, *E*, *I*. Что же касается до чередования *ǣ~ā* (*pǣd*-[*dubǣm*] ~ *pǣd*-[*dūbam'ĩ*]), то оно ни фонологическое, ни морфонологическое, а просто фонетическое.

В нынешнем семестре я читаю русский глагол (сначала историческое, потом статическое описание). По этому случаю внимательно проработал Ваше *Système du verbe russe*. Мне кажется, что Ваше изложение не вполне эмансипировано от графики. Многие «неправильности» в системе глагола существуют только на письме. Так, многие глаголы, относимые Вами к непродуктивным типам, в живом произношении относятся к типам продуктивным: например, глаголы *сеять*, *веять*,

лаять, маять¹¹⁷ и т. д. произносятся фактически *s'ejit', v'ejit', lajit', majit'*, т. е. относятся к четвёртому продуктивному типу (как *сто́ить*); то же относится к глаголам *видеть, обидеть, зависеть, слышать* (ср. *ладить, повисить, нарушить*). Глаголы *держать, дышать*¹¹⁸ отличаются от типа *тягаться* (*тяжутся*), *пахать* (*пахут*) только согласными альтернативами, глагол *мякуать* ничем не отличается от типа *плакать* и т. д. Если всё это принять во внимание и, кроме того, вычеркнуть из Вашего списка целый ряд совершенно неупотребительных в литературном языке глаголов (вроде *жёлкнуть, шепетать* и пр.) то окажется, что глаголов, принадлежащих к непродуктивным типам, в русском языке гораздо меньше, чем считаете Вы, и, во-вторых, что самые границы между отдельными непродуктивными типами надо передвинуть.

Но, в общем, несмотря на такие частичные промахи, Ваша книга замечательна, и чем дольше и внимательнее её изучаешь, тем больше в этом убеждаешься. *Se livre gagne à être connu*¹¹⁹.

Я приеду в Женеву дня на два раньше начала конгресса. Денег у меня будет мало. Поэтому, очень прошу Вас подыскать для меня комнату как можно подешевле. Удобств не нужно никаких (разумеется, за исключением клозета). Главное, чтобы подешевле.

Искренне уважающий Вас

Кн. Н. С. Трубецкой

[ТЗ]

6.VII.1933

Дорогой Сергей Осипович!

Слова *изб, узд, правд* я никогда сам в разговоре не произносил, никогда и не слышал, как их произносят другие. Вероятно, и Вы в таком же положении. В таких случаях нормальные ассоциации нарушаются, зрительные представления написанного слова получают перевес над звуковым, и нам *кажется*, что, если бы пришлось такое слово произнести, мы произнесли бы его как-то по-особенному (не так, как совсем обыкновенное, тысячу раз нами слышанное и произнесённое *уст*). Что касается до *просьб, нужд* и *груздь*, то, вероятно я их произносил и слышал, но, во всяком случае, бывало это очень редко (особенно со словом *груздь*, употребляемым преимущественно во мн. ч. или в поговорке *назвался груздем, полезай в кузов*). А т. к. сочетания *s'p, št* в конце слова необычны, то у нас тут могут тоже возникнуть всякие иллюзии. Таким образом я склонен думать, что сомнения, возникшие у Вас, не имеют почвы в реальном произношении всех этих слов в разговоре, а являются лишь продуктом рефлексии. В реальном разговоре, вероятно, все эти слова произносятся с нормально глухими конечными согласными.

¹¹⁷ Эти глаголы С. Карцевский относит к группе А (-at'/-ut) непродуктивных глаголов (§ 8) (Из лингвистического наследия-2. С. 89–91).

¹¹⁸ Группа В (-at'/-at) у Карцевского, там же (Из лингвистического наследия-2. С. 93).

¹¹⁹ Эта книга заслуживает того, чтобы ее читали (*франц.*).

Дорогой Сергей Осипович! 6.VII.1933

Слова изб, узд, правд я никогда сам в разговорах не произношу, никогда и не слышал, как их произносят другие. Вероятно и Вас в таком же положении. В таких случаях нормальные ассоциации нарушаются, зрительные представления написанного слова получают перевес над звуковыми, и нам кажется, что, если бы пришлось какое слово произнести, мы произнесли бы его как то по особенному (не так, как совсем обыкновенное, слышу раз написанное усть и произнесенное усть). Что касается до просьб, курд и грудь, то, вероятно, я их произношу и слышал, но, во всяком случае, бывало это очень редко (особенно со словом грудь, употребленным преимущественно во мн.ч. или в поговорке каждый из нас). А т.к. сочетания šp, št в конце слова необычны, то у нас тут могут быть возникнут всякие шлоухи. Т.е., я склонен думать, что сомнения, возникшие у Вас, не имеют почвы в реальном произношении всех этих слов в разговоре, а являются со мной продуктом рефлексии. В реальном разговоре, вероятно, все эти слова произносятся с нормальными звуковыми сочетаниями.

Что касается до предварительной подписки на Вашу грамматику,

ТЗ — открытка от Н. С. Трубецкого от 6/VII—1937 г. (AAP/2012/16/15/1-2)

Что касается до предварительной подписки на Вашу грамматику, то при современном хозяйственном состоянии Европы трудно ручаться за будущее. Сейчас в Вене ещё можно найти несколько подписчиков, для которых 6 фр. не составили затруднения. Но дела идут всё хуже и хуже, и положительно нельзя знать, найдутся ли подписчики, скажем, через три месяца...

Искренне уважающий Вас

Н. С. Трубецкой

[T4]

9.IX.1933

Дорогой Сергей Осипович!

Моя часть нашей коллективной работы¹²⁰ сдана в типографию и начала набираться. Мы с Романом Осиповичем решили¹²¹ для большей согласованности просматривать корректуры втроем. Править корректуру буду я, но по одному эк-

¹²⁰ Description phonologique du russe moderne, deuxième partie — N. Trubetzkoy: Das morphologische System der russischen Sprache (Фонологическое описание современного русского языка, часть вторая — Н. Трубецкой: Морфонологическая система русского языка) // TCLP. ii. Prague, 1934. 94 p.

¹²¹ Наверное, когда встречались в Вене в апреле 1933 г.

земляру будете получать и Р. О. и Вы, при чём я очень прошу Вас немедленно сообщать мне все замечания, которые возникнут у Вас при просмотре текста. Если таких замечаний наберётся много, и они окажутся существенными, я учту их в послесловии к своей работе¹²².

Искренне уважающий Вас

Кн. Н. С. Трубецкой

[Т5]

Вена, 24 мая 1936 г.

Дорогой Сергей Осипович!

Вашу рукопись¹²³ я прочёл с большим интересом. Замечания к ней имею следующие:

1) Непонятно, зачем вводить в русскую азбуку буквы *i*, *j* в замен уже существующих *и*, *й*. «Интернациональность» *i* не есть аргумент, поскольку сама кириллица сохраняется. Если взять одни только азбуки, основанные на кириллице, то окажется, что, как раз, наоборот, *и* гораздо «интернациональнее» чем *i*, ибо оно имеется как единственное обозначение фонемы [*i*] не только в русской, но и в болгарской, в сербской, в мордовской, в марийской (черемисской), удмурской (вотской), в комийской (зыряжской) и в чувашской кириллице (а до перехода румын на латинский алфавит существовало и у них; если не ошибаюсь оно и сейчас существует в молдавской кириллице); в украинской кириллице *и* существует, хотя, правда, с иным звуковым значением. Единственной кириллицей, в которой фонема [*i*] обозначается исключительно буквой *i*, а буква *и* совсем не существует, является кириллица белорусская. При таких условиях, с точки зрения кириллицы, *i* никак нельзя считать более интернациональной буквой чем *и*. Что касается до *j*, то буква эта обозначает «*й*» только в алфавитах «средней» Европы: в скандинавских (включая и финский), в балтийских, западных и восточных славянских, в немецком, венгерском и албанском. Во всех этих алфавитах буква *у* либо вовсе не существует, либо означает гласную верхнего образования (лабиализованную — в скандинавских алфавитах, нелабиализованную — в славянских), либо, наконец, служит простым орфографическим знаком. Напротив, в алфавитах западной Европы звук

¹²² Об этой работе Н. С. Трубецкой 10/V-1933 писал Р. Якобсону: «Имеющаяся у Вас рукопись моей морфонологии представляет из себя уже третью переработку. Четвёртый раз я её перерабатывать положительно отказываюсь» (письмо CXV) [Трубецкой 2004: 274].

¹²³ Вероятно, первый вариант статьи «Sur la rationalisation de l'orthographe russe» (О рационализации русской орфографии), опубликованный в 1937 г. в сборнике «Белићев Зборник» (Београд. С. 31–38). До этого по этой же проблеме С. Карцевский выступил в Пражском лингвистическом кружке 6/X-1934 с докладом «Réforme de l'orthographe russe» (Реформа русской орфографии). Относительно этого письма Н. С. Трубецкой писал Р. Якобсону: «Карцевский мне прислал на просмотр рукопись своей статьи о реформе русской орфографии (по-французски): немного лучше, чем то, что он читал в Праге, но всё-таки очень слабо. Я подробно разобрал его теории на целых шести страницах и отослал ему обратно» (письмо CLV) [Трубецкой 2004: 358].

«й» обозначается буквой *y*, а буква *j* обозначает «ж» (во французском), «дж» (в английском, португальском) или «х» (в испанском). Эта западноевропейская трактовка букв *j* и *y* постепенно ширится и распространяется по всему миру. Она проникла не только к румынам (*j* = ж, *y* = й), но и к туркам, и к японцам, и является в настоящее время нормальной при транскрипции разных азиатских алфавитов. В СССР в настоящее время латинский алфавит утвердился у всех тюрков (кроме чуваш), у калмыков, у всех племён Северного Кавказа, у народов крайнего севера Сибири и у цыган, — при чём повсюду фонема «й» передаётся через *y*, а буква *j* обозначает, смотря по языку, «ж» или «дж». Таким образом, для СССР употребление *j* в значении «й» совсем неестественно. Положение тут совсем не то, что в Сербии при Вуке Караджиче. — Что касается до других аргументов в пользу *i* и *j*, то они ещё менее состоятельны. Минимальная экономия места аннулируется стоимостью отливки новых букв и переделки пишущих машин. Кроме того, точка над *i* представляет неудобство при писании, а при печатании быстро стирается, вызывая необходимость более частой по сравнению с другими буквами отливки соответствующего типографского знака. Все эти соображения учитывались в своё время комиссией Академии Наук и склонили её в конце концов к тому, чтобы выбрать не *i*, а *u*.

2) Вы совершенно правильно отмечаете, что, тогда как для фонем [U], [O] и [A] основными буквами являются *y*, *o*, *a*, а буквы *ю*, *ё*, *я* только «графическими вариантами», для фонемы [I], наоборот, основной буквой является *u*, а *ы* только «графическим вариантом». Но, если так, то зачем же писать «жыр, шыло, цырк» с одной стороны и «час, чудо, чёрт» и т. д. с другой? «Графические варианты» имеют смысл только там, где невозможно употребление «основных букв», т. е. там, где написание основной буквы вызвало бы неправильное произношение. Графика должна считаться не с фонетикой, а с фонологией и морфологией. С фонологической точки зрения *жс*, *ш* и *ч*, *щ* совершенно равноценные: всё это фонемы, не знающие «мягкостной корреляции», т. е. противопоставления «твёрдость : мягкость». С морфологической же точки зрения все эти согласные тоже однородны, ибо все они, не участвуя в мягкостной корреляции, тем не менее трактуются как мягкие согласные. Вводя написание «лежыт, слышит», Вы нарушаете принцип оптического единства морфемы (один из основных принципов русского правописания) без достаточного на то основания.

3) Фонема «*j*» принадлежит к такому же классу фонем, что *ш*, *жс*, *ч*, *щ* и *ц*. Фонетически она мягка и действует на соседние звуки совсем так, как прочие мягкие согласные (ср. закрытое произношение *e* перед *j*, произношение *a* как *ä* в таких случаях как *яйца*, *чай*, *ящик*). Морфологически она ничуть не более «нейтральна» чем *ч* и *щ*, Вы приводите род. мн. *имений*, но сравните с этим род. мн. *женщин*, *плеч*. «*j*» выступает в таких положениях и формах, в которых настоящие твёрдые согласные немыслимы, например, перед мягкими окончаниями II и III ед. и I, II мн. ч. (*даёшь, даёт, даём, даёте; стоишь, стоит, стоим, стоите*). Тип *стою* — *стоишь* — *стоять* допускает в конце основы только *j*, *щ*, *жс* и т. д. Словом, Вам не удалось доказать, что *j* должно трактоваться иначе, чем *ч* и *щ*, и доказать этого вообще нельзя.

А если так, и если после *ч* и *щ* Вы предлагаете писать *ё*, *ю*, *я* (*плечё*, *плечю*, *плечя*; *плац* — *плаця*, *плацём*), то также следует трактовать и «*ј*», т. е. писать *јёлка*, *јюла*, *јяма*, *мојё*, *мојю*, *мојя*. Но, в таком случае, ясно, что написание без *ј* гораздо целесообразнее, особенно, если перед *і* по-Вашему всё равно не надо писать *ј* — по крайней мере не после согласных. Выходит, что, приняв Вашу реформу написания гласных после *ж*, *ш*, *ч*, *щ*, *ц*, мы последовательно должны отказаться от писания *й* (*ј*) в начале слова и между гласными. Остаётся положение после согласной: но писать ли *вйюга*, *разйяснение*, или *вьюга*, *разъяснение* (с *ь*, конечно, не с *ъ* и не с апострофом) — это в общем совершенно безразлично.

Спасти *ј* (*й*) можно, таким образом, лишь установив принцип, что «графические варианты» гласных (а также и *ь*) пишутся только там, где мягкость или твёрдость предшествующей согласной должна быть указана; после же букв, обозначающих согласные всегда твёрдые (*ж*, *ш*, *ц*) или всегда мягкие (*ч*, *щ*, *й*) пишутся исключительно «основные» гласные буквы: *йуг*, *йолка*, *йама*, *йехать*, *йих*, *чудо*, *чолка*, *час*, *жир*, *шить*, *цирк*, и т. д.

4) Введение одного обозначения для *і* (*й*), как Вы совершенно правильно указываете упраздняет необходимость буквы *э*. Выкинуть букву из алфавита всегда легко, это не вызывает никаких экономических и технических затруднений. Но вводить новую букву всегда труднее и сложнее. Между тем даже если Ваши *і*, *ј* заменить через *и*, *й*, в Вашей реформе имеется ещё одна новая буква, именно *ё*. Буква эта, правда, уже не нова. Но практически она существует только в учебниках для начальной школы. Не только в провинциальных типографиях, но и в большинстве столичных соответствующей буквы просто нет. Таким образом, практически, надо отливать новую букву, и соответственно переделывать пишущие машинки. А раз так, возникает вопрос: почему вводить именно *ё*, а не какую-нибудь другую более удобную букву, без двух точек, столь неудобных и для письма и для типографии? В разных «латинизованных» алфавитах СССР, очень распространена «*ө*», — обычно со значением *ё*. Гораздо лучше было бы ввести в русскую азбуку именно *её*, — в значении «графического варианта» буквы *о* в положении после мягких согласных. Старую «фиту» все давно забыли, так что ассоциация с ней больше не опасна.

5) Как бы то ни было, введение новой буквы (*ё* или *ө*) необходимо только в силу того обстоятельства, что фонема [О] в русском языке может стоять и после твёрдых и после мягких согласных, а, следовательно, должна иметь два обозначения, одно — основное, другое «графический вариант», по аналогии других гласных фонем, допускаемых после твёрдых и после мягких. Это вытекает из основных принципов русской системы письма. Но если уж держаться этих принципов, то держаться до конца и последовательно. Между тем Вы хотите нарушить один из этих принципов, именно, принцип, что различия, обусловленные ударяемостью и безударностью, в письме не обозначаются. Принцип этот совершенно так же важен, как и принцип обозначения мягкости согласных при помощи *ь* и особых графических вариантов гласных. Оба принципа логически вытекают из одного ещё более основного, именно, — из принципа сохранения графического единства

морфемы. Дело¹²⁴ в том, что (как я постарался показать это в своей русской морфологии) чередование мягких и твёрдых согласных в конце морфемы и чередование ударяемых и безударных гласных являются двумя единственными живыми и продуктивными «коррелятивными альтернативами» русского языка. Почти всякий корень, заключающий в себе гласную и кончающийся на согласную, участвует в обеих этих живых альтернативах^(*). И если бы ударяемые гласные обозначались не теми же буквами, как безударные, а мягкие согласные — не теми же буквами, как твёрдые, то исчезло бы графическое единство морфемы. От принципа сохранения единства морфемы поневоле приходится отступать там, где имеются «некоррелятивные альтернативы» (например, *виж-у, вид-ишь* или *слух — слышат*), но большинство таких альтернатив не продуктивно, а продуктивные среди них ограничены очень небольшой сферой применения. Таким образом, неразличение на письме ударяемых и неударных гласных вытекает из основных принципов русской графической системы и должно строго соблюдаться. Академическая реформа совершенно правильно устранила одно из отступлений от этого принципа (различие между *-ого* и *-аго*), но не имела смелости устранить и другие отступления (*-ой* и *-ий*), — о чём можно только пожалеть. Вы же хотите ввести новое отступление, охватывающее, как видно из § 6 Вашей статьи очень большое число грамматических категорий. Здесь нельзя ссылаться на то, что буква *ё* и раньше применялась только в ударяемых слогах. Ведь применялась она тогда, когда ещё существовало *ѣ*, и применялась только факультативно, в таком же порядке, как *о* (*что́*, и пр.). Теперь же после удаления *ѣ*, букву *ё* (*ѳ*) ввести необходимо не как факультативный, а как обязательный графический вариант *о*, — однако, с тем, чтобы она не нарушала основных принципов русской графической системы, т. е. чтобы она писалась как в ударяемых, так и в безударных слогах. Правило для этой буквы должно быть то же, что и для *а, я, о*: в ударяемых слогах она должна писаться согласно произношению, а в неударяемых — в тех случаях, когда данная морфема под ударением содержит эту гласную. Таким образом, если писать *землѳй, рублѳм*, — то и *вишнѳй, локтѳм*, если писать *сѳстры*, — то и *сѳстрѳ* и т. д. Если мы находим нужным различать на письме им. пад. *ружѳѳ* [rũžjo] от предложного падежа *ружѳе* [rũžje], то должны различать и им. пад. *морѳѳ* [mor'ǽ] от пред. пад. *морѳи* [mor'i], например, фразы [přiv'ot v mor'ǽ] «Schwimmen ins Meer» и [přiv'ot v mor'i] «Schwimmen im Meer» имеют разные значения и произносятся по-разному, а, следовательно, должны и писаться по-разному.

Таким образом, введение обязательного графического варианта для *о* после мягких согласных влечёт за собой очень радикальные изменения, без которых оно оказывается в противоречии с основными принципами русской графической системы, а, следовательно, и нежизнеспособным в рамках этой системы. Полагаю, что это и было главной причиной, почему *ё* так никогда и не привилось. Дальше факультативного применения *ё* для избежания недоразумений (*все — всѳ, сел — сѳл, мел — мѳл* и т. п.) вряд ли можно идти.

¹²⁴ Фрагмент до ^(*) отмечен на полях синим карандашом [С. Карцевским?].

Теперь несколько более мелких замечаний:

6) В открытом конце слова неударяемое этимологического *a* звучит скорее как *ă* чем как *ā* : если писать *ăp'at'*, *dărăvat'*, то нельзя писать *n'an'ă*, *jîmskajă*, *babă*, а уж лучше *n'an'ă*, *jîmskajă*, *babă*; по-моему это тот же звук, что и в заударных слогах внутри слова (*izdămŭ*).

7) На стр. 2 (вторая строчка снизу) у Вас, вероятно, описка *i* вместо *e*¹²⁵.

8) Не понимаю, что Вы хотите сказать фразой [не под ударением и не в непосредственно предударном слоге] «il faut distinguer entre la syllabe ouverte et la syllabe fermée»¹²⁶. Такого различия, по-моему, нет в русском языке. В заударных конечных слогах «я» и этимологическое *e* произносятся после мягких как *э* в некоторых окончаниях, — но не обязательно в открытом слоге (например, *душам* = *dušăm*, *дыням* = *dyn'ăm*, *морем* = *mor'ăm*.) [Стр. 2 и стр. 5, строчка 15 снизу].

9) То, что Вы пишете о слове *вожжи*, по-моему, лучше вычеркнуть. В Москве в этом слове (как и в *приезжать*, *мозжевельник*, *дождик* и т. д.) произносится звонкий эквивалент *щ*. Если в таких случаях после *ж* писать «мягкие» графические варианты гласных, то тем самым *ж* признаётся «парной согласной», а в таком случае надо признать то же самое и относительно *ш* и писать *шшĭt*, *шшĭявель* (или даже просто *шĭt*, *шĭявель* и т. д.) вместо *щĭt*, *щĭвель*. Но тогда нельзя будет обойтись без «э»: если род. мн. от *вожжи*, *мощи* писать *вожжей*, *мощей*, то такие слова как *разжечь*, *расшей*, надо писать *разжэчь*, *расшэй*! Словом, тут опять скользкое место.

Ну вот, кажется, и всё. Как видите, целая диссертация. Ничего не поделаешь, такая уж у меня привычка: статьи пишу короткие, а письма (научные) — длинные. Может быть от того, что разговаривать о науке мне никогда не приходится (здесь не принято).

Печатать Вашу статью по-французски в *Славии* — нелегко. С другой стороны, в *Revue des études slaves*, по-моему, принципиально ничего печатать нельзя. Мазон не только с Вами в своё время нахамил, но продолжает хамить и со всеми нами (особенно с Якобсоном), а *Vaillant* и *Unbegaun*, от него не отстают. Таким образом, если по-французски, то только в *Bulletin de la Société [de] Linguistique*.

С сердечным приветом искренне уважающий Вас

Кн. Н. С. Трубецкой

[Т6]

Вена, 16 декабря 1937 г.

Дорогой Сергей Осипович!

Спасибо за интересное письмо. Простите, что долго не отвечал. Я сейчас пишу книгу, Введение в общую фонологию (по-немецки). Выйдет седьмым томом *Travaux*, и я обещал к январю сдать рукопись. А сейчас у меня готова

¹²⁵ Эта строчка также отмечена синим карандашом.

¹²⁶ Надо отличать открытый слог от закрытого (*франц.*).

только половина (200 страниц!). Прежде я как-то умел писать кратко, были у меня даже шедевры в этом отношении (например, статья в сборнике в честь Матезиуса¹²⁷). Но теперь разучился. По-видимому, с годами такие свойства теряются, — отсюда «старческая» болтливость. — Для сборника в честь Bally¹²⁸ я тоже никак не могу придумать темы. По фонологии не хочется больше ничего писать: всё будет в моей книге, да к тому же, на 10 страниц у меня фонологической темы и нет. Хотел написать на тему «déterminant et défini»¹²⁹. Исходным пунктом для меня были два вопроса: 1) почему в праславянском (и в сербском) поссесивные прилагательные не знают противопоставления определённого (сложного) и неопределённого (именного) склонения? 2) почему в русском и в западнославянских языках единственный случай противопоставления определённости и неопределённости это — противопоставление поссесивного прилагательного родительному падежу (*мельникова дочь* «la fille du meunier» ~ *дочь мельника* «la fille d'un meunier»)? Это привело меня к сравнению с языками совершенно иных типов и к целому ряду любопытных выводов. Впрочем, выводами я дорожу всего менее, а хотел бы только поставить самые проблемы. Попробовал сделать это на десяти страницах, — не вышло. Впрочем, я не отчаиваюсь, буду пробовать ещё.

Рукопись Вашу¹³⁰ я прочту с большим интересом, хотя предупреждаю, что *a priori* Ваша теория мне кажется несколько искусственной. Главный её недостаток, что она применима лишь к русскому языку. Но и к русскому языку эта теория применима лишь с большой натяжкой. С синхронической точки зрения союз *но* и междометие *но*, употребляемое при понукании лошадей и коров, — явно не имеют ничего общего. Междометие *о!* чисто литературное и в непринуждённом разговорном языке вряд ли употребляется; напротив *у!* лежит «под порогом», ниже уровня нормального языка интеллигенции, употребляясь только в сочетании с довольно грубыми ругательствами (*у, сволочь!*); пожалуй, междометие *и!* (*и, батенька!*) тоже подчёркнуто нелитературное. Таким образом только *а!* и *э!* лежат действительно в одном плане (при чём вопросительное *а?* явный вульгаризм). С союзом *а* междометие *а!* опять таки ничего общего не имеет, это — «омонимы», не более. Из всех приводимых Вами словечек, пожалуй, только *ну* до известной степени подходит под Вашу теорию, — но ведь это не союз! Вы говорите, что все эти словечки не подчиняются изменениям, требуемым правилами ударения. Это правильно лишь по отношению к таким союзам, которые являются

¹²⁷ Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario a discipulis et Circuli linguistici pragensis sodalibus oblata. Prague, 1932.

¹²⁸ «Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally...» со статьёй Н. С. Трубецкого «Les rapports entre le déterminé, le déterminant et le défini» (Взаимоотношения между определяемым, определяющим и определённым), выйдет в Женеве в 1939 г.

¹²⁹ Определяющего и определённого (*франц.*).

¹³⁰ Вероятно, первоначальный вариант статьи «Introduction à l'étude de l'interjection» (Введение к изучению междометия), которая будет опубликована в 1941 г. в CFS. I. P. 57–75 (текст перепечатан нами с вариантами см. [Karcevski 2000: 175–193]).

самостоятельными словами (ибо самостоятельные односложные слова даже при фразной безударности сохраняют качество гласной без перемен: *дом-òтдыха*, фонетически *dòmòddÿxǎ* ~ *дам отдых* фонетически *damòddÿx*). Так *но* сохраняет своё *о*, потому что это самостоятельное слово, после которого может быть сделана пауза, и на которое может падать логическое ударение. Но союз *да*, всегда безударный (в отличие от утверждения *да!* всегда ударяемого) произносится *дǎ* и неотделим от соседних слов. Таким образом, я думаю, что с точки зрения синхронической Вашу теорию доказать нельзя. С точки же зрения диахронической между союзами и междометиями существует постоянный обмен, — это не подлежит сомнению, но об этом уже много писалось, и исследуя вопрос диахронически приходится выходить за пределы русского языка и привлекать к сравнению языки не только славянские и балтийские, но и прочие индоевропейские (а, может быть, и неиндоевропейские). Вопрос об отрицаниях *не* и *ни* с синхронической точки зрения осложнён тем, что в безударном положении обе частицы в современном московском (да, кажется, и ленинградском) произношении совпадают друг с другом, а в ударяемом положении *не*, по-видимому, не встречается (за исключением случаев вроде *нέчего*, *нέкому*, *нέскем* или *донéльзя*). Мне кажется, что «логическое» ударение на *не* («Нет! Я этого нé сделаю.») такое же искусственное, книжное явление как произношение *čto* вместо *što*. Впрочем, я в этом не вполне уверен. Я вообще часто ловлю себя на том, что чувство русского языка во мне уже сильно притупилось. Это — неизбежное следствие эмигрантского быта. Именно поэтому так опасно нам полагаться на интроспекцию.

Статьи Hermann'a¹³¹ о транскрипции междометий я не знаю. Над фонологией русских междометий я думал. За немногими исключениями это всё нормальные фонемы. *Coup de glotte*¹³² не фонема, а стилистический вариант, выступающий не только у междометий, но и вообще у всякого слова, начинающегося с ударяемой гласной и эмоционально выдвинутого: «Аня! Это ты?» и т. д. Зато, может быть, интонации имеют у некоторых междометий фонологическое (т. е. словоразличительное) значение: вопросительное *а?* и восклицательное *а!* сознаются как разные слова, но различаются только интонацией. Особые фонемы заключаются только в междометиях «с закрытым ртом»: *h̥*¹³³ (глухое назализованное *h*, — в письме передаётся через *зм!*), *m̥* (краткое слоговое *m*, обычно с *coup de glotte*, — отрицание), *m̥h̥m̥* (где *m̥* слоговое *m*, а *h̥* — звонкое *h*: — утвердительный ответ). Словечки, обращённые к животным (губное *ч*, прищёлкивание и т. д.) не являются междометиями. Их функция — обыкновенная императивная: «*тпру*» (губное *ч*) = *стой!* прищёлкивание = *пошёл!* Отличие их от обыкновенных императивов только в том, что они обращены не к людям, а к животным, приученным реагировать именно на эти звуки: иначе говоря, это — слова другого «инострannого» языка, языка животных

¹³¹ Е. Hermann (1869–1950) — немецкий лингвист.

¹³² Гортанная смычка (*франц.*).

¹³³ В изданной статье С. И. Карцевский пишет, что он употребляет «назализованный знак *h̥* по совету покойного Н. С. Трубецкого» [Karcevski 2000: 191].

(особенностью которого является то, что говорящий и слушающий не могут меняться ролями).

Пересмотрел несколько годов Славии, но статьи о русских приставках не нашёл. Я такой статьи не помню, хотя обычно прочитываю с начала до конца. Вероятно, если такая статья и была, то ничего особенного не представляла, — иначе она мне запомнилась бы. Не смешиваете ли Вы её со статьями Слонского¹³⁴ о приставках в церковнославянском языке? Эти статьи совсем неинтересные и по-видимому являются только использованием чёрной работы, начатой автором для составления староцерковнославянского словаря, но так и не доведённой до конца.

С сердечным приветом искренне преданный Вам

Н. С. Трубецкой

Переписка С. И. Карцевского с Н. А. Рубакиным

Источники: РГБ / Р6 358/238/27 (рукописные письма от Карцевского) — РГБ / Р6 358/238/14 (машинописные копии писем от Рубакина, без подписи)

[K2]

Женева, 20/II-1936
2, r. St Victor

Дорогой Николай Александрович,

Разрешите беспокоить Вас двумя просьбами. Первая насчёт книг. Не будете ли Вы так добры прислать мне по прилагаемому списку. Не задержу. Через месяц возвращу. Не позже.

Второе же дело очень сложное.

Если Вы поедете в СССР, то не окажете ли мне следующую огромную услугу?

В 1928 г. в Москве в Государственном Издательстве вышла моя книжка Повторительный курс русского языка. Договор был подписан в Праге на 20 000 экземпляров. Первый тираж был в 4000 экз. Он моментально разошёлся. По отзывам, которые дошли до меня, книга была встречена учительством с восторгом. (Между прочим, Meillet писал о ней в Bulletin de la Société de Linguistique определяя её как modèle de ce qui devrait être fait pour chaque langue¹³⁵). Вы эту книжку знаете, и говорили, что её цените.

Теперь, книжка разошлась в несколько месяцев и больше не переиздавалась.

Как раз сейчас очень много пишут и говорят о том, что преподавание языка очень отстало. Моя книжка очень бы пригодилась. Она предназначена для 9-ого — 10-ого годов обучения и для педтехникумов. Нельзя ли было бы её двинуть?

Переиздавать книгу без переделок не следует. Вот что я предлагаю.

---

¹³⁴ Stanisław Słowski (1879–1959) — польский лингвист, славист.

¹³⁵ Франц.: «образец того, что могло бы быть в любом языке <...> и принесло бы большую пользу» (Meillet A. // BSL. Vol. XXIX. P. 217).

Дополнить книгу изложением морфологии (склонение, спряжение и т. д., краткое изложение законов ударения), внести ряд исправлений, освежить примеры. В общем, увеличить книгу страниц на 60–70 (теперь в ней 112 страниц)*.

Надеюсь, подобное предложение может подойти, если его сделает авторитетное лицо, например, Вы, так как в подобной книге огромная нужда.

Теперь «но».

Напечатана книга была по рекомендации покойного А. М. Пешковского. Теперь на него очень нападают. Я всегда был очень несогласен с ним, и несмотря на приятельские отношения, критиковал его (см. мою статью в журнале *Родной язык и литература в трудовой школе*¹³⁶ 1928 г., № 1, 1928, Москва, изд. «Работник просвещения»).

Если бы моё эмигрантское положение оказалось препятствием, то нетрудно показать, каковы мои взгляды на СССР, сославшись хотя бы на мои статьи в «Esson»¹³⁷, которые я Вам послал в своё время.

Могли ли бы Вы оказать мне подобную услугу?

Вначале марта я постараюсь посетить Вас, а пока шлю привет Вам и всем Вашим.

Искренне преданный

С. Карцевский

[PI]

14.V.1936

Дорогой Сергей Иосифович,

Самое сердечное вам спасибо за Ваше милое письмо. Мне особенно радостно было получить его, что я то и дело Вас вспоминаю, уж больно мне по душе Ваша маленькая, но удаленькая грамматика¹³⁸. Мы теперь с полным убеждением считаем её одной из самых лучших и трубим о ней урби ет орби¹³⁹. Жаль, что издание уже разошлось. Надо бы Вам о себе напомнить в Гиз, — там теперь ведь новые веяния. Если мне придётся быть в июне в Москве, я, наверное, поведу о ней разговор в Гизе: там таких грамматик нет. С нашей точки зрения очень важно, что Вы ставите на такое почётное место интонацию. Но отчего же не идёте и дальше по той же линии, в сторону закона В. Гумбольдта — Поттебни¹⁴⁰. Я уверен, что нам с Вами ещё придётся сообща доработать, приближая и язык

¹³⁶ Статья переиздана, см. [Карцевский 2000: 281–305].

¹³⁷ «L'Esson» — независимый швейцарский журнал, издаваемый с 1905 г., главным редактором которого с 1933 г. являлся А. Сешез.

¹³⁸ Русский язык. Ч. I. Грамматика. Прага: Пламя, 1925. 125 с.

¹³⁹ Urbi et orbi (*лат.*) — буквально, «к городу (Риму) и к миру», т. е. повсюду.

¹⁴⁰ Закон Гумбольдта–Поттебни в формулировке Н. А. Рубакина имеет следующий вид: «Человеческая речь, как и все элементы ее, вплоть до отдельного слова или даже звука, или буквы, суть орудия только возбуждения психических переживаний, в соответствии с особенностями той мнемы, в какой они возбуждаются, а не орудия переноса или передачи переживаний».

грамматик к психологии не господ педагогов, а читателей, для которых каждое отвлечённое и общее слово — ничто, если в голове читателя содержание понятия есть, а объёма его — нема. Не пора ли перестать гнаться за дефинициями понятий, которые людьми с конкретным складом ума совершенно не понимаются, а побольше гнаться за объёмами: среди читателей массовых, как и среди детей и подростков до 16 лет, по нашим исследованиям, оказывается до 67 % людей с конкретным складом ума. Дефиниции и вообще общие слова в такие головы не влезают, а держатся там лишь как слова, звуки слов и начертания слов. А на такой почве развивается пситтакизм. Впрочем, всё это Вы, разумеется, знаете куда лучше меня. Но наши работы подтверждают это и экспериментально, и статистически.

(Мы, по нашим методам исследовали всех учеников Нормальной школы¹⁴¹ в Нанси)

Если будете в Лозанне, заходите попить чайку.

Привет Вашей жене.

Уважающий

[КЗ]

Женева, 15.V.36

Дорогой Николай Александрович,

Очень большое Вам спасибо за Ваше столь милое письмо. Спасибо также за Ваши лестные строки о моей грамматике¹⁴². Спешу поговорить с Вами именно о ней. Договор с ГИЗом был у меня подписан на 20.000 экземпляров. Выпустили лишь первый тираж в 4.000 экземпляров. Как мне писали, он разошёлся в течение нескольких месяцев. Профессор Н. Н. Дурново (сейчас он, кажется, на плохом счету в СССР, как и покойный А. Пешковский, но первый политически, а второй как педагог) писал, что учителя были в восторге, а профессор Поливанов (выдающийся лингвист) писал, что это лучшее, что выходило по этому вопросу. Пресса советская замолчала мою книжку. Почему же её не переиздали? Из письма Пешковского было видно, что главнейшая причина была в том, что автор её эмигрант. Но теперь и времена изменились, а во многом и я изменился.

Нужно добиться, чтобы книжку переиздать к осени, но в переработанном виде (со склонениями, спряжениями и т. п.). Я вот, что сделал: я написал об этом Горькому, приложил *предпоследний* имевшийся у меня экземпляр. Письмо и книжки пошли через Р. Роллана три дня тому назад. Хорошо было бы, если бы, как психолог и педагог, тоже бы написали о ней Горькому. Время не терпит. Нужно за лето переработать и выпустить. Можно ли Вас просить об этой услуге?

Искренне преданный и благодарю

С. Карцевский

---

¹⁴¹ Т. е. пединститута.

¹⁴² Русский язык. Ч. I. Грамматика. Прага: Пламя, 1925. 125 с.

[K4]

21.VI.1936

Дорогой Николай Александрович,
У меня к Вам целая куча просьб.

Предполагается вечер памяти Горького. Если Вы были в личном знакомстве с ним и если у Вас сохранилось что-нибудь интересное в памяти, то не согласитесь ли Вы поделиться с нами, написать страничку-другую, которую мы прочли бы на вечере? — Когда это будет, не знаем. Хотели бы поскорее. Во всяком случае я заранее Вас извещу.

Для вечера мне нужно было бы биографию Горького, получше и поновее. Может быть, Мария Артуровна отыщет что-нибудь. Заранее благодарю её.

В университете читаю о Смутном времени. Но мои пособия — Платонов, Ключевский, Кизеветтер¹⁴³ — меня не удовлетворяют. Нужно бы анализ социальных отношений. Нет ли у Вас какого-нибудь марксистского труда, может быть в курсе истории Покровского. Если есть, пришлите поскорее, ибо лекция у меня в четверг.

А теперь ещё: пришлите Фурманова о Чапаеве. А может быть и ещё что-нибудь, если о нём есть. Видел два раза фильм. Прекрасно! Хотел почитать.

Как у Вас с поездкой в Москву? Если поедете, пробегите мою грамматику¹⁴⁴ советское издание. Это займёт у Вас час-два времени. А без этого Вы не сможете ничего сказать в Москве. Между обеими редакциями большая разница. Может быть у Вас найдётся минутка. Тогда я бы выслал Вам свой *последний* экземпляр на несколько дней. Знаю, что утруждаю Вас очень. Но только если подымать об этом вопрос, то без знакомства с новой редакцией невозможно. А?

Искренний привет Вам и Марии Артуровне и всем Вашим.

С. Карцевский

P. S. Очень рад, что среди книг, которые я Вам переслал, хоть что-нибудь пригодились.

Здоров ли Р. Роллан?

[P2]

5.1.1937

Дорогой Сергей Осипович,

Одновременно с этим письмом посылаем Вам все те книжки о Пушкине, какие требуются для Вашей работы. Но так как на «Пушкиниану» ныне спрос огромный, то принуждены поставить Вам такое условие: не держите эти книги дольше двух недель, а какие Вами будут уже использованы до этого срока, присылайте их одна

¹⁴³ Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933) — историк, профессор Московского университета, член кадетского ЦК, по постановлению Коллегии ГПУ от 25/VIII-1922 г. он был выслан за границу.

¹⁴⁴ Здесь речь идет о «Повторительном курсе русского языка», Москва: ГИЗ, 1928.

так и делю. Но так как я плохо знаю психологию советских людей,
то разрешите мне показать Вам своего старого друга.

Теперь, согласно из Мазон'a (Чубази считал меня) ~~неприятно~~
мне. У нас есть много друзей о том, трудящегося Мейл'а *).

Что же касается Мазон и Бучин, то они ~~не~~ много лет уже ведут
борьбу с нами, т.е. с Н.С. Трубушине, В. Иаконом, мною и нашим
Пражским Институтным Кратким. Наши работы они не замечают
или расценивают в резкий недоверие. В их изданиях „Весте
des études slaves“ на призывающие не отвечают.

Теперь о Hachette. Я познакомился и принял Ваш перевод французских
слов. Но тут же трудности. Первое то, что Мазон и Бучин могут нечего
опубликовать свои материалы. Мои идеи идут вразрез с ихними.

Уже большой победой было то, что Jules Berges во 2-м изд. своего
Résumé de géométrie nous propose d'appliquer алгебра согласно с нашим
Творением, но он (также уже в отделе) большой недовер Мазон и Бучин.
Все это очень плохо, все это критику в чужом мире. Но, к сожалению,
это так.

Вторые трудности. Большая русская грамматика на франц. языке у нас
имет какой-то характер, все же и стараясь быть помягше и пово-
роже. Бучин с ней франц. 200-250 обложки формата (не большого).
Я уже в течение 20 лет пишу структуру русск. яз. Самые основы
принимая перетраченные и работая все еще не закончена. Но в советском
приказываю „перетраченные“ и опубликовать так как сейчас ~~не~~ все
представляется. Да то, что приносите се к печати, мне покажется и
еще лучше 3 раз.

М.Д. еще более необходим была бы грамматика Краткая, более
*) в целом ряде наших разных стран с другим именем.

за другою, враздробь. Если какая книга потребуется Вам на большее время, черкните. Оставьте ещё за нами право потребовать от Вас ту или иную книгу, если кто из читателей окажется особенно настойчивым и станет к нам архи-приставать. Относительно Вашей Грамматики и других Ваших работ, которые мы ценим, как Вы знаете, очень высоко и всем рекомендуем. В Москву ехать нам не удалось. Из Москвы ни один педагог к нам в этом году не заезжал. Я ведь далёк от педагогики. Лишь только буду у Ромен Роллана, непременно поговорю о Ваших книгах, хотя из его рекомендации, как и из моей нет прока. Я ведь не авторитет по лингвистике и грамматике. Центр тяжести Вашего дела — в тех интригах, о которых Вы нам говорили. Нельзя ли подорвать их в корне. Но эта проблема — для нас неразрешимая. Я не знаю, как Вам тут помочь. Не списаться ли Вам с Римским издателем Гудковым. Но дело в том, что он сам составил и разбазаривает собственную грамматику. Не написать ли Вам самому прямо Крупской и Бубнову¹⁴⁵. Сошлитесь на Мазона и т.п. Обратитесь от моего имени к профессору Славянского Института (Париж) Борису Генриховичу Унбегауну, — сошлитесь на меня, что я тоже прошу сделать для Вас всё возможное с его стороны и посоветовать, что делать, с Вашими трудами. Нам гораздо легче поискать Вам какого-нибудь другого заработка, и об этом я уж никак не забываю, потому что ценю Ваши работы очень высоко и надеюсь в ближайшем будущем сотрудничать с Вами (пока что, — только надеюсь). На днях будет у нас одна дама, имеющая дела с Гашетто и я обещаю Вам поговорить о русской грамматике для иностранцев и горяченько порекомендую Вас. Напишите скоро, какого размера эта Ваша грамматика, характеризуйте её в письме ко мне, напишите письмо это по-французски, я его или сам передам этой даме, или перешлю его в Париж через одного нашего сотрудника. А пока что, будьте уверены, что я не упускаю и не упускал случая говорить о Вашей грамматике с кем только можно. О ходе дел уведомлю.

Сердечно Ваш

Интриги против Вас, быть может объясняются тем, что Вы, под горячую и возбуждённую руку, не удержались и поговорили с кем-нибудь не очень осторожно. Но так ли это, — Вы знаете лучше меня. Надо нам выяснить дело. Ведь теперь спрос на хорошие учебники в СССР большой.

[K5]

6 января 19[37¹⁴⁶].

Дорогой Николай Александрович.

Очень благодарю Вас за Ваше столь милое письмо. Оно очень ободрило меня. Я страшно подавлен уже целый ряд лет и главным образом из-за... моего учебника¹⁴⁷. У меня много своих собственных идей в области лингвистики (особенно

¹⁴⁵ Андрей Сергеевич Бубнов — народный комиссар просвещения РСФСР (с сентября 1929 по октябрь 1937). 17 октября 1937 г. был арестован. 1 августа 1938 г. был приговорен к смертной казни и в этот же день расстрелян.

¹⁴⁶ А не 36, как прибавлено карандашом.

¹⁴⁷ «Повторительный курс русского языка».

грамматики). Мировые лингвисты интересуются моими работами. Месяца два тому назад заседание лингвистического общества в Копенгагене было посвящено «Лингвистическим идеям Карцевского». Мне много заказывают лингвистических статей. Вот и сейчас я пишу одну статью для Jac. van Ginneken¹⁴⁸ и другую для сборника Matica Slovenska! Но всё бесплатно. А дела мои очень слабы. Мой учебник давал мне возможность в краткой форме изложить некоторые из этих идей и пустить их в ход в России. А кроме того если бы он пошёл (в чём у меня нет сомнений), это было бы для меня постоянный небольшой доход. И вот почти 9 лет, как книжку не пускают.

Пешковский в 1929 г. писал мне, что не хотят переиздавать книжку потому, что автор эмигрант, затем он сотрудничает в эмигрантской прессе (с 27 г. я только написал некролог Бирюкова¹⁴⁹ в «Последних Новостях»¹⁵⁰) и что, наконец, нельзя пересылать валюту (гонорар) за границу.

Если Д.¹⁵¹ интриговал, (что я почти наверное знаю), то теперь казалось бы меня нельзя уж никак считать врагом СССР. Конфликт с Д. у меня был, но в 1915 году!

Идея Ваша написать Крупской или Бубнову мне нравится. Я, пожалуй, так и сделаю. Но так как я плохо знаю психологию советских людей, то разрешите мне показать Вам сперва черновик письма.

Теперь, ссылаться на Mazon'a (Унбегаун слишком молод) ненужно мне. У меня есть печатные отзывы о моих трудах самого Meillet*¹⁵².

Что же касается Мазона и Буайэ¹⁵³, то они много лет уже ведут борьбу с нами, т. е. с Н. С. Трубецким, Р. Якобсоном, мною и нашим Пражским Лингвистическим Кружком. Наши работы они или замалчивают, или расценивают в рецензиях недобросовестно. В их издании «Revue des Études slaves» мы принципиально не участвуем.

Теперь о Hachette¹⁵⁴. Я попробую и пришлю Вам на днях французское письмо. Но тут две трудности. Первая та, что Mazon и Boyer могут мешать опубликованию моей грамматики. Мои идеи идут вразрез с ихними. Уже большой победой было то, что Jules Legras¹⁵⁵ во 2-ом издании¹⁵⁶ своего «Précis de grammaire russe» изложил русский глагол согласно с моими теориями, но он (теперь уже в отставке) большой

¹⁴⁸ «Phrase et proposition» (Mélanges de linguistique et de philologie offerts à Jac. van Ginneken, à l'occasion du soixantième anniversaire de sa naissance. Paris: Klincksieck, 1937) (переиздано нами, см. [Karcevski 2000: 127–134]).

¹⁴⁹ Павел Иванович Бирюков (1860–1931) — биограф Л. Н. Толстого, с 1908 г. жил в Женеве (где и умер).

¹⁵⁰ Ежедневная газета, издавалась в Париже с 1920 по 1940 г.

¹⁵¹ Не удалось установить, о ком идет речь.

* И целого ряда учёных разных стран с крупными именами.

¹⁵² Об отзывах Мейе (BSL. XXVI, XXVIII, XXIX, XXXII) см. вступительную статью.

¹⁵³ Paul Boyer (1864–1949) — французский славист, профессор первой созданной во Франции кафедры русского языка (1891 г.), один из создателей «Revue des études slaves».

¹⁵⁴ Крупное издательство в Париже.

¹⁵⁵ Jules Legras (186–1939) — французский русист.

¹⁵⁶ Вышло в 1934 г.

недруг Мазона и Буайэ. Всё это очень гадко, все эти интриги в учёном мире. Но, к сожалению, это так.

Вторая трудность. Большая русская грамматика на французском языке у меня имеет научный характер, хотя я и стараюсь быть попроще и покороче. Будет в ней страниц 200–250 обычного формата (не больше). Я уже в течение 20 лет изучаю структуру русского языка. Самые основы пришлось перетряхнуть, и работа ещё не закончена. Но я согласен приостановить «перетряхивание» и опубликовать так как сейчас всё представляется для того, чтобы приготовить её к печати мне понадобилось бы месяца три работы.

Может быть, ещё более необходимой была бы грамматика краткая, более maniable¹⁵⁷ и затем хрестоматия. В моих замыслах маленькая грамматика должна была бы пойти вслед за большой, когда все научные базы были бы установлены. Что же касается хрестоматии, то сколько я ни думаю, ничего не могу придумать. Какие брать тексты, которые были бы (хотя бы некоторые из них) современные? Вот у меня даже классиков нет на русском языке (кое-что есть в публичной библиотеке, но мало и разрознено), а комментарии к тексту и glossaire¹⁵⁸ я дал бы совершенно оригинальные. Я ведь много размышлял и над тем, какие грамматические указания должны сопровождать слова в лексиконах. И тут у меня много нового, что пригодится составителям словарей, но, конечно, опираясь на мои грамматические концепции. А эти концепции не моя фантазия, не произвольная классификация, а доподлинная структура морфологии языка. Нечто объективно существующее.

Ну вот. Ещё раз большое, большое спасибо.

Книжки только что получил, большое спасибо. Выполню все Ваши условия. К концу месяца всё будет возвращено по частям. Далее мне понадобится Вересаев, последний том или два.

Р. С. Унбегаун — ученик и protégé Мазона. У меня с ним отношения приличные. Но, как я уже писал, мне искать его поддержки и протекции никак не приходится. Я ценю его работы, хотя оригинальных идей в них нет. Но они добросовестны и полезны.

Привет Марии Артуровне и всем Вашим.

Искренне преданный

С. Карцевский

А Вы напрасно пишете Karčevski. Просто Karceevski. Фамилия моя польская (Karczewski, Карчевски), но её обрусили Карцевский.

28/I-1937 г.

Целый ряд обстоятельств помешал мне отправить это письмо раньше. Думаю, что писать письмо для Nachette теперь поздновато. Как только закончу свои

¹⁵⁷ Практическая (франц.).

¹⁵⁸ Словарь (франц.).

текущие научные работы, приступлю к хлопотам. За это время в СССР произошло столько событий, что не знаешь можно ли даже обращаться к Н. К. Крупской.

На днях напишу.

Большой привет.
СК

Письма С. И. Карцевского в Академию наук СССР

Источник: ААР/2012/16/9/5

[К6]

[машинописная копия на тонкой бумаге, без подписи]

[без даты — сентябрь¹⁵⁹ 1946 г.]

ПРЕЗИДИУМ
АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва.

Позволяю себе обратиться к Высокой Учёной Коллегии по следующему поводу.

Работая над проблемами, которые ставит перед лингвистом изучение современного русского языка, а также над некоторыми вопросами русского литературоведения, я давно уже испытываю крайнюю потребность находиться в русской учёной среде и быть окружённым стихией русского языка. Живя в течение долгих лет в Женеве, где я состою в Университете профессором русского языка и литературы, а также преподавателем русского языка в школе толмачей и переводчиков при Университете, я лишён возможности обмениваться мыслями с коллегами по специальности, — за отсутствием таковых, не имею возможности быть в курсе работ советских учёных, — за отсутствием советской литературы, и, сверх того, с тревогой замечаю, что начинаю терять чувство родного языка, особенно в области ударений.

Я был бы счастлив, если бы мне была дана возможность работать над вопросами, которые меня интересуют в соответствующих научно-исследовательских институтах при Академии Наук. Речь идёт о возможности закончить некоторые уже далеко подвинутые труды или осуществить некоторые научные замыслы. В этом я вижу свой нравственный долг перед наукой и оправдание своего существования. Мне уже 63 года.

Вот краткие сведения о некоторых из этих трудов.

1. Уже с давних лет я готовлю на французском языке научное описание современного русского языка под заглавием «Système de la langue russe». Самые важные

---

¹⁵⁹ Дата установлена по письму, адресованному 16/VII-1947 С. И. Карцевским И. И. Мещанинову: «В конце сентября прошлого года, посредством нашей Миссии в Берне, я обратился в Президиум Академии Наук с просьбой...» (это письмо — СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. № 383 — опубликовано с переводом на французский С. Власовым).

главы книги, в частности фонология и фонетика, существительное, глагол, числительное, местоимение и др. почти закончены, но потребовалась бы их переработка, так как я хотел бы с французской редакции перейти на русскую. Весь труд составил бы том около 500 страниц. Мне нужна была бы коллективная помощь нескольких сотрудников для собирания материалов. Я провёл бы с ними нечто вроде семинария, излагая попутно и свои взгляды по вопросам методологии.

2. Мною почти закончен *Manuel de la langue russe*. Он распадается на следующие части: I. *Orthographe et prononciation* (упрощённая фонетическая транскрипция: много упражнений). II. *Leçons*: 80 уроков. III. *Abrégé de grammaire*; IV. *Glossaire russe-français* (2.000 слов). Мне был бы необходим сотрудник-педагог с некоторой лингвистической подготовкой, хорошо знающий оба языка, для составления упражнений для перевода с французского на русский и для составления франко-русского словаря. Такового я здесь не нашёл. Учебник рассчитан на публику, обладающую образованием близким к среднему и на студентов. На усвоение его потребовалось бы семестра три. Его объем составил бы 300–400 страниц. — Упражнения первых 40 уроков я размножил и ими пользуются преподающие русский язык в лозаннском, и страсбургском университетах, равно как и в женеvской школе переводчиков.

3. К первым двум частям, моей русской хрестоматии (230 стр.) выпущенной в Женеве в 1944 году Школой переводчиков, составлен дополнительный том, который включает около 250 комментариев к особенно трудным местам и словарь (около 2.000 слов) на французском, немецком и английском языках. Остаётся лишь в последний раз просмотреть текст. — Если Школа, по отсутствию средств, не сможет издать этого тома, то, может быть, это оказалось бы возможным осуществить в СССР.

4. О своих работах, касающихся литературоведения, могу сказать следующее. — Говоря в своих университетских курсах о некоторых больших русских писателях, я стремился установить для каждого своего рода психологические константы, прослеживая их как в творчестве, так и в жизни писателя. Пользуясь с известной осторожностью методами и данными аналитической психологии, я смог прийти к некоторым заключениям и зачастую даже к серьёзным обобщениям, которые представляются мне не лишёнными научного значения. Я был бы рад поделиться этими выводами, как в устной, так и в письменной форме. Что касается последней, то я предполагал бы в первую очередь приготовить томы литературно-психологических очерков, посвящённые Л. Толстому, Гоголю и Достоеvскому.

Я должен сказать, что не стремлюсь к преподаванию. Систематическое преподавание помешало бы мне осуществить мои научные замыслы. Тем более, что оно потребовало бы превышающей мои силы углублённой и долгой подготовки, так как здешние условия жизни и работы лишили меня возможности быть в курсе советской науки.

Лучше всего было бы, конечно, побывать самому в Москве для личных переговоров. Но материальных средств на подобную поездку у меня нет. Кроме того, мой

Женева, сентября 1946 г.

ПРЕЗИДИУМ

АКАДЕМИИ НАУК СССР.

Москва.

Позволяю себе обратиться к Высокой Ученой Коллегии по следующему поводу.

Работая над проблемами, которые ставит перед лингвистом изучение современного русского языка, а также над некоторыми вопросами русского литературоведения, я давно уже испытываю крайнюю потребность находиться в русской ученой среде и быть окруженным стихией русского языка. Живя в течение долгих лет в Женеве, где я состою в Университете профессором русского языка и литературы, а также преподавателем русского языка в школе толмачей и переводчиков при Университете, я лишен возможности обмениваться мыслями с коллегами по специальности, — за отсутствием таковых, не имею возможности быть в курсе работ советских ученых, — за отсутствием советской литературы, и, сверх того, с тревогой замечаю, что начинаю терять чувство родного языка, особенно в области ударений.

Я был бы счастлив, если бы мне была дана возможность работать над вопросами, которые меня интересуют, в соответствующих научно-исследовательских институтах при Академии Наук. Речь идет о возможности закончить некоторые уже далеко подвинутые труды или осуществить некоторые научные замыслы. В этом я вижу свой нравственный долг перед наукой и оправдание своего существования. Мне уже 63 года.

Вот краткие сведения о некоторых из этих трудов.

1. Уже с давних лет я готовлю на французском языке научное описание современного русского языка под заглавием *Systeme de la langue russe*. Самые важные главы книги, в частности фонология и фонетика, существительное, глагол, числительное, место-

советский вид на жительство, выданный мне на основе Указа Верховного Совета от 14-го июня 1946 г., для въезда в Советский Союз недостаточен.

С глубоким уважением

Профессор Сергей Иосифович Карцевский
Вице-председатель женевского лингвистического общества.
Председатель Объединения лиц родом из СССР в Швейцарии

К вышеизложенному я должен добавить, что я женат. Моя жена — доктор медицины Женевского Университета, работавшая врачом в 1916–17 г. на Фронте. У нас есть сын, по специальности геолог, окончивший Женевский Университет по минералогическо-геологическому отделению естественного факультета. И жена и сын тоже желали бы работать на Родине.

[К7]

В. В. Виноградову

[рукопись]

16.П.47

Многоуважаемый Коллега,

Если память не изменяет, мы с Вами встречались в начале 1918 г. на заседаниях Московской диалектической [*sic*] Комиссии, где я выступал с докладом о русском глаголе¹⁶⁰.

В моей библиотеке имеются некоторые из Ваших трудов, и мне было чрезвычайно приятно и даже несколько неловко, что Вы уделили там столько лестного внимания моим работам, особенно по русскому глаголу¹⁶¹.

На днях из советских газет я узнал, что Вы избраны членом Академии Наук СССР¹⁶², очень порадовался этому и приношу Вам свои искренние поздравления и наилучшие пожелания.

Последние годы я много работал над современным русским языком, далеко двинул вперёд систематический труд на французском языке о русской фонологии и грамматике, а также почти закончил учебник русского языка для французов, используя как свой многолетний опыт преподавания в женевском университете и в состоящей при нём школе толмачей и переводчиков, так и данные лингвистической методологии. Я стремлюсь сочетать в этом учебнике педагогическую сторону с научной. И мне кажется, что моя попытка выходит удачной.

Но живя вот уже двадцать лет в Женеве, где состою профессором университета, я не только отстал от советской науки, но и не имею здесь никакой возможности

¹⁶⁰ Эти заседания Московской диалектологической Комиссии состоялись 7 февраля и 17 мая 1918 г., но фамилии Виноградова нет в списке присутствовавших (см. [Карцевский 2000: 325–337]).

¹⁶¹ См. [Виноградов 1947: 443]: «...наиболее детально, четко и убедительно раскрыта система русского глагола в работах русистов, принадлежащих к так называемой “женевской лингвистической школе”». См. книгу С. Карцевского “Système du verbe russe” (Prague 1927)».

¹⁶² В. В. Виноградова избрали в члены Академии наук СССР 30 ноября 1946 г.

16. II. 47

Многоуважаемый Коллега,

Если память мне не изменяет, то с Вами
встретился ~~я~~ в начале 1947 г. на заседании
Московской ~~Академической~~ Диалектической Комиссии, где я
выступил с докладом о русском языке.

В моей библиотеке имеются некоторые из
Ваших трудов, и мне было чрезвычайно ^{приятно} ~~интересно~~
и даже несколько ^{нелепо} ~~счастливо~~, что Вы уделили ^{там} ~~мне~~
личного внимания моим работам, особенно по
русскому языку.

Недавно из ^{по совету} ~~Лондона~~ я узнал, что Вы
избраны членом Академии Наук СССР, очень
~~поэтому~~ порадовали этому и приношу Вам
свои искренние поздравления и наилучшие
пожелания.

Последние годы я много работал над со-
временным русским языком, далеко выходя
вперед ^{системат. труд} ~~книгу~~ на француз. яз. о русском фонологии
и грамматике, а также почти закончил

обмениваться мыслями с коллегами, за полным отсутствием в Швейцарии лингвистов-русистов.

Несколько месяцев тому назад я обратился в Президиум Академии Наук с заявлением, в котором я писал, что очень желал бы для завершения своих трудов лингвистических и литературоведческих получить возможность работать при соответствующих научно-исследовательских институтах. Мне уже 63-ий год, нужно торопиться, и мне тяжело было бы думать, что я не смогу закончить своих работ.

Я думаю, что Вам нетрудно познакомиться с моим заявлением и увидеть, в чём заключаются мои desiderata¹⁶³.

Для меня было бы большим счастьем войти в семью советских русистов. О многом хотелось бы переговорить и с Вами лично в связи с проблемами русского языка.

Я позволяю себе надеяться, что Вы не откажетесь поддержать моё заявление. Может быть профессор Д. Н. Ушаков, о котором я сохранил лучшие воспоминания, тоже поддержал бы меня. Я был бы очень благодарен Вам и ему.

Если бы вопрос разрешился благоприятно, мне потребовалось бы, конечно, несколько месяцев, чтобы полюбовно отменить свой контракт с университетом, подготовиться к переезду и попасть на Родину до наступления холодов, для защиты от которых ни у меня, ни у жены нет подходящего гардероба. Летние университетские вакации здесь длятся с начала июля по начало октября.

Кроме преподавательской деятельности я состою здесь вице-председателем Женевского лингвистического Общества и вице-администратором Славянского института при университете, учреждений, возникших по моей инициативе. Сверх того, я явлюсь председателем Союза Советских Граждан в Швейцарии.

Вот сведения о себе, которые я могу вкратце сообщить Вам.

Очень прошу Вас, многоуважаемый Коллега, принять мои наилучшие пожелания.

P.S. Я думаю, что сноситься с мной было бы всего проще через посредство Миссии¹⁶⁴, которой моё место пребывания всегда хорошо известно.

[Ко второму изданию «Повторительного курса русского языка» (?)]

Источник: ААР/2012/16/9/5

[4 страницы без даты, аккуратно написанные и пронумерованные автором]

От автора

Мысль о необходимости старшего курса родного языка встречает в педагогических кругах всеобщее признание (достаточно сослаться хотя бы на съезд словесников в Петрограде в 1921 г.). Однако, о самом характере этого курса твёрдо установившегося мнения пока ещё нет. Обычно предполагают, (например, Д. Н. Ушаков), что подобный курс будет посвящён истории русского языка и элементарному ознакомлению с его

¹⁶³ Пожелания (лат.).

¹⁶⁴ Дипломатическая миссия СССР в Швейцарии (так как тогда не было посольства).

диалектами. Мы этого мнения не разделяем и позволяем себе познакомить читателя-преподавателя с нашим взглядом на характер старшего курса родного языка.

Предварительно — несколько соображений общепедагогических.

Педология постоянно обращает внимание педагогов на то, что ребёнок 12–13 лет переживает чрезвычайно сильные изменения в своей физической и психической природе, и в последующем периоде, до 15–16 лет (цифры, конечно, приблизительно), он представляет собою психологический тип, резко разнящийся от типа предыдущего периода. Постепенно и полубессознательно школа во всех странах начинает перестраиваться так, чтобы характер каждой из двух её ступеней соответствовал особенностям данного возраста. Место прямолинейного поступательного развёртывания преподавания и нарастания знаний в механической последовательности всё более заступает организация преподавания кольцевая, концентрирами, и всё более обозначается водораздел между школой 1-ой ступени и школой 2-ой ступени. Мы думаем, что со временем, как успехи педагогики, так и практика школьной политики приведут к сознанию необходимости разгрузить школу 2-ой ступени от «программ» и предоставить ей возможный максимум индивидуализации работы ученика и учителя. Подобная школа смогла бы широко использовать и Дальтон-план. Тогда сама собою создалась бы ещё 3-ья ступень, нечто вроде «нулевых семестров» или курсов для подготовки к высшей школе или к практическим специальностям, опять-таки отличных от первых двух ступеней по своим заданиям, а потому и по своим методам работы.

Преподавание родного языка на 2-ой ступени не может не отличаться коренным образом от преподавания на 1-ой ступени, не только по своему объёму, но по самой сущности своего характера.

Первый концентр обучения родному языку имеет перед собой ряд практических заданий: необходимо научить ребёнка читать, писать грамотно и грамотно же пользоваться устной *литературной* (но вовсе не книжной) речью. Эти достижения далеко не легки и их вполне достаточно, чтобы занять и преподавателя, и ученика на 1-ой ступени, несмотря на то, что усвоению так же практических умений и знаний способствуют и уроки арифметики, и уроки естествознания и жизнь школьных кружков и собраний и т. д., и т. д. Достижениями не утилитарного характера, которые сопутствуют осуществлению практических заданий, явятся постепенное развитие у ученика языкового «вкуса», нормы и постепенное пробуждение языковой «рефлексии», т. е. всё более сознательное отношение к простейшим явлениям языка. Преподавать *науку* детям этого возраста невозможно и нежелательно. Но это, конечно, не значит, что практическая установка деятельности преподавателя может быть антинаучной. Методика предмета теснейшим образом связана с методологией науки, и напр[имер] А. М. Пешковский в своих учебниках решает педагогическую задачу в строгом соответствии с характером науки. Но ребёнку этого возраста научные интересы недоступны, ему нужны *твёрдые* истины, ясные нормы деятельности и «почему» или «зачем» не находящие немедленного ответа его могут только обескуражить.

Во 2-ом концентре перед преподавателем родного языка можно и должно поставить цели иные. Приобретение и углубление практических умений и знаний, конечно, будет всё время продолжаться. Но наряду с этим и всё более независимо от этого будут

выдвигаться задания характера теоретического. Спешим оговориться: школа 2-ой ступени не собирается готовить специалистов-филологов, ни энциклопедистов равно готовых к поступлению в высшую школу любой специальности или к любой практической деятельности. Глубоко ненормальное положение, когда все высшие школы сразу требуют от кончающего 2-ую ступень равную подготовленность к любой из них. От перегруженности и пестроты программ страдают школы во всех странах. Никакие фуркации здесь не помогут. Нужно просто раз на всегда отказать высшей школе в праве предъявлять к школе 2-ой ступени какие бы то ни было требования, но создать между среднюю и высшую школу особые курсы по подготовке уже по специальности. Таким образом разгруженная, школа 2-ой ступени может отдаться целиком общеобразовательным задачам и осуществить их в полном согласии с требованиями педагогики. Но даже и в настоящих условиях 2-ой концентр преподавания родного языка должен носить определённо общеобразовательный характер. Вот что под этим мы понимаем.

Сквозь свой родной язык учащийся должен научиться понимать жизнь *языка* как такового. Наш курс должен быть, собственно говоря, элементарным курсом введения в языкознание, несколько своеобразно организованного. Всякому понятно, что в школе 2-ой ступени ученик должен приобрести некоторые, элементарные, конечно, знания из математики, биологии, химии и физики, социологии (понимая под этим обществоведение, историю, политическую и экономическую географию и т. п.), литературы и т. д. Но как-то мало задумываются над тем, что всякому не абсолютному невежде необходимы также сведения и о языке, этом сложнейшем и важнейшем социально-психическом явлении, проводящем резкую грань между человеком и животным, этом основном условии общественной жизни и всякого творчества даже в его наиболее индивидуальных проявлениях! Хорошо поставленный подобный курс, требуя от ученика всё большей языковой рефлексии, самонаблюдения (интроспекции), а также и наблюдения за речью других, способен служить и той «умственной гимнастикой», которая особенно необходима для людей умственного труда, и которую, совершенно ошибочно, многие думали достичь преподаванием древних языков. Мы склонны полагать, что подобная работа над языком и его функционированием прекрасно подготовит к слушанию в дальнейшем (на «3-й ступени») пропедевтических курсов по психологии и логике и в то же время позволит школе 2-ой ступени обойтись совершенно без этих двух предметов.

Но составление курса родного языка для 2-го концентра встречает на своём пути массу затруднений, многие из которых пока ещё и не могут быть преодолены.

Самым главным затруднением является современное состояние науки о языке. Мы, конечно, не можем распространяться здесь на эту тему и ограничимся самым существенным (а кое-какие дополнения читатель найдёт в заключительной главе).

Дело в том, что вот уже около двух десятков лет как в языкознании наблюдается реорганизация всей дисциплины, вызванная происходящим перенесением ее центра тяжести. Современная лингвистика совершенно не интересуется, можно сказать, такими проблемами, как, напр[имер], происхождение языка. В центре её внимания всё более стремится встать вопрос функционирования языка, в связи с чем, наряду с эволютивной лингвистикой, или диахронией, начинает завоёвывать себе равное же признание

статическая или синхроническая лингвистика, фактически возможная только при изучении живых языков и, главным образом, своего родного языка. Конституирование этой синхронической или «общей», как ее называет A. Meillet, лингвистики и является современной важнейшей задачей науки. Её база заложена F. De Saussure'ом и его продолжателями, среди которых, кроме Ch. Bally и Alb. Séchehaye, нужно ставить также и A. Meillet. — В виду всего сказанного в настоящее время нет и ещё не может быть написано такого «*Курса языковедения*», в котором было бы обрисовано всё здание лингвистики и зарегистрированы её достижения.

Понятно, в каком безвыходном положении оказывается тот, кто захотел бы написать учебник по этому предмету. Автору приходится мысленно создавать как бы идеальный план здания лингвистики, при чём, конечно, оказывается, что далеко не все контуры он может себе представить, а многие помещения не знает, чем заполнить. Вот почему ещё долгое время все учебники, равно как и научные введения в языковедение будут неизбежно давать неполное и даже несколько искажённое* представление о своей науке. — Мы не упомянули ещё об одной особенности науки о языке, делающей изложение предмета неизбежно сложным и трудным. Дело в том, что язык такое сложное явление, что как упрощённо и популярно его ни излагай, предмет продолжает оставаться сложным, и требует большого напряжения внимания со стороны воспринимающего.

Первый опыт такого изложения, очень упрощённого и оставлявшего в тени целый ряд вопросов, мы сделали в нашем учебнике *Русский язык, I Грамматика* (Прага, 1925). Приём, который он встретил в учёном мире, даёт нам смелость этот повторить, раздвинув несколько рамки изложения и проделав заново весь ход наших мыслей. Кроме того, каждый § учебника сопровождается особыми примечаниями в конце книги, которые углубляют трактуемый вопрос. Книга всё-таки остаётся неполной, как размеры, которые были нам предложены, так и в ещё большей степени самая трудность и невыясненность вопроса не позволили нам изложить причины и ход эволюции языка; подобным же образом нам пришлось, надеемся временно, отказаться от нашего первоначального намерения показать как используют в своих целях средства, предлагаемые языком, поэты, мастера слова (устного письменного), как для разных заданий (канцелярская бумага, телеграмма, газетная статья и т. д.) производится выбор языковых средств, и таким образом глава «*Практической лингвистики*», по меткому выражению Г. Винокура, осталась ненаписанною.

Будущее покажет, каким изменениям должен будет подвергнуться настоящий учебник, чтобы достичь своей цели — дать ученику представление о механизме языка и его функционировании.

В заключение считаю своим долгом выразить нашу благодарность тем лицам, которые своими советами, замечаниями, оценкою наших работ и т. д. содействовали появлению настоящей книги. Эти лица: Ch. Bally, I. Baudouin de Courtenay, E. Berneker, Н. Н. Дурново, A. Meillet, А. М. Пешковский, Р. И. Якобсон.

---

* Обычно в таких введениях, сплошь почти исторического характера, большую часть занимает учение о звуках.

Индекс

1. По порядку настоящей публикации

Письмо	Автор / Адресат	Число	Письмо	Автор / Адресат	Число
И1	От издательства «Пламя»	14.07.1923	Я13	От Р. О. Якобсона	22.04.1932
И2	От издательства «Пламя»	22.08.1927	Я14	От Р. О. Якобсона	17.11.1932
П1	От А. М. Пешковского	23.09.1927	Я15	От Р. О. Якобсона	12.07.1933
П2	От А. М. Пешковского	23.03.1928	Я16	От Р. О. Якобсона	12.11.1933
П3	От А. М. Пешковского	09.04.1928	Я17	От Р. О. Якобсона	1935
П4	От А. М. Пешковского	25.08.1929	Я18	От Р. О. Якобсона	02.07.1936
П5	От А. М. Пешковского	07.11.1929	Я19	От Р. О. Якобсона	27.04.1937
Б	От К. А. Боташёва	25.07.1928	Я20	От Р. О. Якобсона	14.07.1938
Д	От Н. Н. Дурново	28.03.1933	Т1	От Н. С. Трубецкого	07.04.1931
Я1	От Р. О. Якобсона	02.09.1930	Т2	От Н. С. Трубецкого	14.06.1931
Я2	От Р. О. Якобсона	14.11.1930	Т3	От Н. С. Трубецкого	06.07.1933
Я3	От Р. О. Якобсона	21.11.1930	Т4	От Н. С. Трубецкого	09.09.1933
Я4	От Р. О. Якобсона	29.11.1930	Т5	От Н. С. Трубецкого	24.05.1936
Я5	От Р. О. Якобсона	31.01.1931	Т6	От Н. С. Трубецкого	16.12.1937
Я6	От Р. О. Якобсона	10.02.1931	К2	Н. А. Рубакину	20.02.1936
Я7	От Р. О. Якобсона	04.04.1931	Р1	От Н. А. Рубакина	14.05.1936
Я8	От Р. О. Якобсона	11.04.1931	К3	Н. А. Рубакину	15.05.1936
Я9	От Р. О. Якобсона	19.05.1931	К4	Н. А. Рубакину	21.06.1936
Я10	От Р. О. Якобсона	04.07.1931	Р2	От Н. А. Рубакина	05.01.1937
Я11	От Р. О. Якобсона	01.08.1931	К5	Н. А. Рубакину	06.01.1937
К1	Р. О. Якобсону	27.12.1931	К6	В Академию наук СССР	09.1946
Я12	От Р. О. Якобсона	06.04.1932	К7	В. В. Виноградову	16.02.1947

II. По датам

Число	Автор / Адресат	Письмо	Число	Автор / Адресат	Письмо
14.07.1923	От издательства «Пламя»	И1	14.06.1931	От Н. С. Трубецкого	Т2
22.08.1927	От издательства «Пламя»	И2	04.07.1931	От Р. О. Якобсона	Я10
23.09.1927	От А. М. Пешковского	П1	01.08.1931	От Р. О. Якобсона	Я11
23.03.1928	От А. М. Пешковского	П2	27.12.1931	Р. О. Якобсону	К1
09.04.1928	От А. М. Пешковского	П3	06.04.1932	От Р. О. Якобсона	Я12
25.07.1928	От К. А. Боташёва	Б	22.04.1932	От Р. О. Якобсона	Я13
25.08.1929	От А. М. Пешковского	П4	17.11.1932	От Р. О. Якобсона	Я14
07.11.1929	От А. М. Пешковского	П5	28.03.1933	От Н. Н. Дурново	Д
02.09.1930	От Р. О. Якобсона	Я1	06.07.1933	От Н. С. Трубецкого	Т3
14.11.1930	От Р. О. Якобсона	Я2	12.07.1933	От Р. О. Якобсона	Я15
21.11.1930	От Р. О. Якобсона	Я3	09.09.1933	От Н. С. Трубецкого	Т4
29.11.1930	От Р. О. Якобсона	Я4	12.11.1933	От Р. О. Якобсона	Я16
31.01.1931	От Р. О. Якобсона	Я5	1935	От Р. О. Якобсона	Я17
10.02.1931	От Р. О. Якобсона	Я6	20.02.1936	Н. А. Рубакину	К2
04.04.1931	От Р. О. Якобсона	Я7	14.05.1936	От Н. А. Рубакина	Р1
07.04.1931	От Н. С. Трубецкого	Т1	15.05.1936	Н. А. Рубакину	К3
11.04.1931	От Р. О. Якобсона	Я8	24.05.1936	От Н. С. Трубецкого	Т5
19.05.1931	От Р. О. Якобсона	Я9	21.06.1936	Н. А. Рубакину	К4

Число	Автор / Адресат	Письмо	Число	Автор / Адресат	Письмо
02.07.1936	От Р. О. Якобсона	Я18	16.12.1937	От Н. С. Трубецкого	Т6
05.01.1937	От Н. А. Рубакина	Р2	14.07.1938	От Р. О. Якобсона	Я20
06.01.1937	Н. А. Рубакину	К5	09.1946	В Академию наук СССР	К6
27.04.1937	От Р. О. Якобсона	Я19	16.02.1947	В. В. Виноградову	К7

Литература

- Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1947. 784 с.
- Карцевский С. И. Из лингвистического наследия / Сост. И. И. Фужерон. М.: Языки русской культуры, 2000. 344 с.
- Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. Т. II. / Сост. И. И. Фужерон. М.: Языки славянской культуры, 2004. 294 с.
- Трубецкой Н. С. Письма и заметки. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
- Фужерон И. И. От библиотечной карточки к архиву С. И. Карцевского // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 246–252.
- Якобсон Р. Тексты, документы, исследования / Отв. ред. Х. Баран. М.: Рос. гос. гуман. ун-т, 1999. С. 175–191.
- D'ottavi G., Fougeron I. «Sur la phonologie de la phrase» de Serge Karcevski — Essai de relecture («О фонологии фразы» Сергея Карцевского — Опыт прочтения) // Congrès mondial de linguistique française, CMLF 2016. P. 1–14. SHS Web conferences 27, 05001 (2016).
- D'ottavi G., Fougeron I. Une lettre de Serge Karcevski de 1916 (Одно письмо Сергея Карцевского 1916 г.) // Cahiers Ferdinand de Saussure. 69. Genève, 2016. P. 17–27.
- Fougeron I. Serge Karcevski (1884–1955). URL: <http://www.item.ens.fr/index.php?id=200861>.
- Fougeron I., Breuillard J. Serge Karcevski // Bulletin de la société de linguistique de Paris. 1999. T. XCIV. Fasc. 1. P. 31–66.
- Fougeron I. Serge Karcevski et la syntaxe (Сергей Карцевский и синтаксис) // Modèles linguistiques. 2002. T. XXII. Fasc. 1. P. 137–150.
- Karcevski S. Inédits et introuvables (Неизданное и недоступное). Paris–Leuven: Peters, 2000. 266 p.
- Karcevski S. Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique (Система русского глагола. Опыт синхронического лингвистического описания). Paris: Institut d'études slaves, 2004. 184 p.
- Vlassov S. Lettres de Serge Karcevski au professeur Lev Chtcherba et à l'académicien Ivan Mechtchaninov (Письма Сергея Карцевского профессору Льву Щербе и академику Ивану Мещанинову) // La correspondance entre linguistes/ Bruxelles: éditions Academia, 2017. P. 179–191.